

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1980

**35 ЛЕТ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ
ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ**

Москва. 9 Мая 1980 года. У могилы Неизвестного солдата.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля
1923 года

№ 20 (2760)

17 МАЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

9 мая, в день 35-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломцов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зиянин, К. В. Русаков посетили Мавзолей В. И. Ленина и возложили венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

С именами величайшего пролетарского революционера и мыслителя, организатора Коммунистической партии Советского Союза,

основателя Советского социалистического государства — Владимира Ильича Ленина — неразрывно связаны все свершения трудящихся СССР. Под знаменем Ленина советский народ отстаивал свободу и независимость своей Родины, победил в Великой Отечественной войне, принес народам освобождение от фашизма.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства направляются к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, где выстроились воинские части Александровского гарнизона. На гранитной плите у Вечного огня высечены слова: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». У обе-

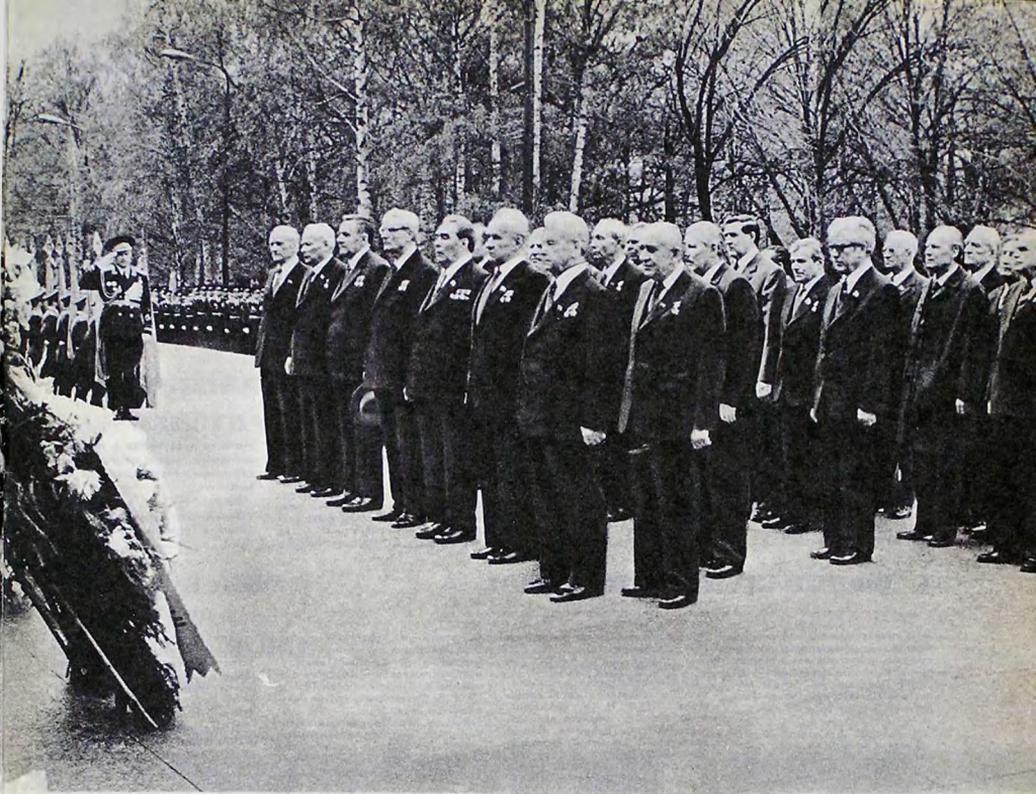

Фото А. Гостева

К МАВЗОЛЕЮ В. И. ЛЕНИНА И МОГИЛЕ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

лисков городов-героев выстроен почетный караул советских воинов. Прислушаны боевые знамена.

Звучат торжественно-траурные мелодии.

Руководители КПСС и Советского государства возлагают венки к могиле Неизвестного солдата. На этой легкой слезе: «Павшим в боях за свободу и независимость социалистической Родины от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

Товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громико, А. П. Кирилленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслев, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В.

Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зининин, К. В. Русков минутой молчания почтили память воинов, отдавших жизнь, защищая свободу и независимость Советской Родины, во имя прочного мира на земле.

При возложении венков руководителями Коммунистической партии и Советского государства были председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, Н. К. Байбаков, В. Э. Дымышин, К. Ф. Катушев, Т. Я. Киселев, Н. В. Мартынов, Г. И. Марчук, В. Н. Новиков, И. Т. Новиков,

Э. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, председатели палат Верховного Совета СССР А. П. Штишков, В. П. Рубен, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгиев, председатель ВЦСПС А. И. Шинбаев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

От Вооруженных Сил СССР венок к могиле Неизвестного солдата возложили Маршалы Советского Союза, генералы, ветераны Великой Отечественной войны.

Звучит Гимн Советского Союза. Торжественным маршем перед могилей Неизвестного солдата проходят части Московского гарнизона, отдавая воинские почести павшим героям Великой Отечественной войны.

Во время беседы.

Фото В. Мусазьяна и Э. Песова [ТАСС]

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Э. БАБЮХА

6 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР Э. Бабюха, находившегося в Советском Союзе с официальным дружественным визитом.

Состоялась беседа, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Товарищ Л. И. Брежнев тепло поздравил товарища Э. Бабюха с назначением на высокий пост Председателя Совета Министров ПНР и пожелал успехов в работе

польского правительства по реализации решений VIII съезда партии.

Было отмечено, что советско-польское сотрудничество становится все более глубоким, разносторонним и зрелым. Были высказаны соображения о путях дальнейшего совершенствования

этого сотрудничества в политике, экономике, науке, технике и других сферах государственной деятельности.

Беседа прошла в сердечной, товарищеской атмосфере и отличалась полным взаимопониманием.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению советского руководства с официальным дружественным визитом 6 мая в Москву прибыл член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Эдвард Бабюх.

6 мая в Кремле начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политбюро ЦК ПОРП,

Председателем Совета Министров ПНР Э. Бабюхом.

В переговорах принял участие: с советской стороны — заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. К. Вайбаков, К. Ф. Катусhev, министр внешней торговли Н. С. Поголинов, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцев, посол СССР в ПНР Б. И. Аристов; с польской стороны — член Политбюро ЦК ПОРП, заместитель

Председателя Совета Министров ПНР, председатель комиссии планирования Т. Вжачки, министр внешней торговли и морского хозяйства Р. Керский, посол ПНР в СССР К. Ольшевский, другие официальные лица.

В ходе переговоров были рассмотрены вопросы дальнейшего углубления братских связей и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и народной Польшей в соответствии с решениями XXV съезда КПСС и VIII

съезда ПОРП, а также договоренностям, достигнутыми во время встреч Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека.

Были обсуждены некоторые международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Переговоры проходили в сердечной и дружественной обстановке.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Советские руководители в посольстве Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Фото А. Гостева

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

6 мая товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Сулов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимианин, К. В. Русаков посетили посольство СФРЮ в СССР в связи с кончиной Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито.

Минутой молчания они почтили память выдающегося государственного и партийного руководителя Югославии, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, неустанного борца за мир, придававшего важное значение развитию всестороннего сотрудничества между СКЮ и КПСС, между Югославией и Советским Союзом.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства расписались в траурной книге соболезнований.

ПРЕБЫВАНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В БЕЛГРАДЕ

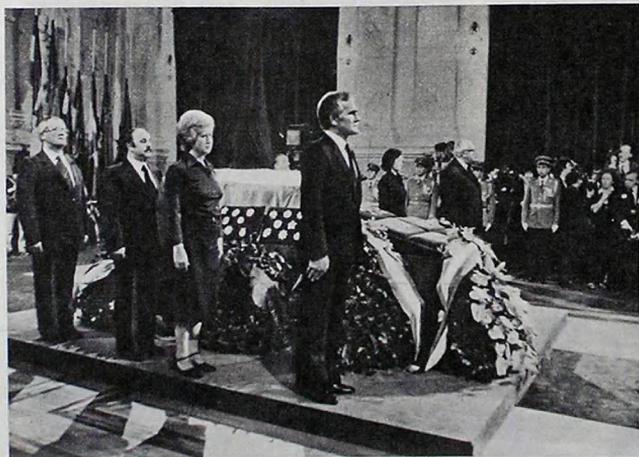
7 мая в Белград прибыла партийно-государственная делегация СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

В состав делегации входили член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, посол СССР в СФРЮ Н. Н. Родионов.

Партийно-государственная делегация СССР во главе с товарищем Л. И. Брежневым посетила Скупщину СФРЮ, где был установлен гроб с телом Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито.

Делегация возложила венок и почтила минутой молчания память покойного. Она сделала запись в траурной книге соболезнований.

Белград. Скупщина СФРЮ. Минута молчания.

Телефото Э. Песова и В. Соболева [ТАСС]

Во время беседы.

Телефото Э. Песова и В. Соболева [ТАСС].

ВСТРЕЧА С РУКОВОДСТВОМ ЮГОСЛАВИИ

7 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с руководством Югославии.

В беседе, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, посол СССР в СФРЮ Н. Н. Родионов; с югославской стороны — Председатель Президиума СФРЮ Л. Коллинжский, председательствующий Президиума ЦК СКЮ С. Дороньский, член Президиума ЦК СКЮ А. Грличко, член ЦК СКЮ, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ И. Врховец.

Выражая соболезнование в связи с кончиной И. Броз Тито, Л. И. Брежнев сказал: «Мне лично трудно и больно представить, что из жизни ушел товарищ Тито. Меня связывали с ним давние добрые отношения. Я им очень дорожу».

Л. И. Брежнев отметил, что во время встреч с И. Броз Тито были приняты основополагающие совместные советско-югославские документы, которые и ныне служат прочной основой тесного сотрудничества между Советским Союзом и Югославией. Советское руководство желает, чтобы в советско-югославских отношениях, продолжил Л. И. Брежнев, всегда царил атмосфера взаимопонимания и доверия, сердечности, абсолютного равноправия. Многие годы сотрудничества свидетельствуют, что в лице Советского Союза народы Югославии имеют верного и надежного друга. Советские люди всегда хотели и хотят видеть братскую Югославию единой, сплоченной, процветающей страной, успешно строящей социализм.

Югославские руководители, со своей стороны, высоко оценили сотрудничество во всех областях между Югославией и СССР как по государственной, так и по партийной линии.

Обе стороны заявили о решимости всемерно расширять сотрудничество между КПСС и СКЮ, между СССР и СФРЮ.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ПРЕЗИДЕНТА МОК М. КИЛЛАНИНА

7 мая в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял президента Международного олимпийского комитета лорда Килланина.

В ходе беседы отмечалось, что Советский Союз полностью выполняет взятые на себя обязательства и делает все, чтобы в нынешних сложных международных условиях был сохранен благородный дух олимпийского движения, основанный на доброй воле и

дружбе между народами. Состоялся обмен мнениями по проблемам, возникшим в международном спортивном и олимпийском движении.

На встрече присутствовали председатель Оргкомитета «Олимпиада-80», заместитель

Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, первый заместитель председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» В. Г. Смирнов, директор МОК Моник Берло.

Во время беседы.

Фото В. Мусалыгина [ТАСС].

19 мая исполняется 90 лет со дня рождения первого Президента Демократической Республики Вьетнам [ныне — СРВ] Хо Ши Мина.

**Сергей АФОНИН,
Евгений КОБЕЛЕВ**

В небольшой комнате Хо Ши Мин сидит за обеденным столом, чуть сгорбившись, и не торопясь что-то пишет. На нем коричневая крестьянская роба, широкие штаны того же цвета, сандалии на босу ногу.

Хо Ши Мина дома неоднократно спрашивали гостей, не нужно ли ему чего-нибудь принести, и каждый раз он с улыбкой отвечал:

«Для них он был прехлебным погонистом, родственником». Настолько его имени они не знали.

Время в Ханой было тревожное. От контрреволюционных сил всемогуще омыдала любой выходки, поэтому было решено, что по приезде в Ханой Хо Ши Мин останется на одной из конспиративных квартир. Для этой цели был выбран дом на улице Ханг-ганг, расположенной на пяти этажах города. Здесь Хо Ши Мин писал сейчас исторический документ — Декларацию независимости, которая в ближайшие дни будет торжественно обнародована им, председателем Временного правительства южной Вьетнама.

Этот исторический документ Хо Ши Мин закончил 2 сентября 1945 года с трибуны митинга, состоявшегося в Ханой на площади Ба-дина. Очевидцы вспоминают, что в этот день весь народ вышел на улицы со знаменами и цветами. Это был всенародный праздник — день провозглашения нового Вьетнама, первого государства рабочих и крестьян в Юго-Восточной Азии.

Поднявшись на высокую трибуну, Хо Ши Мин увидел человеческое море, которому, казалось, не было конца. Вместе с ним поднялись члены Временного правительства. Наступила тишина. К микрофону подошел Хо Ши Мин в скромном костюме цвета жасмина, специально сшитом для этого торжественного случая. Он чувствовал себе владыку сотен тысяч людей. Большинство из них видели его впервые в жизни. Он начал читать Декларацию независимости. Радость схватывала людей, потому что с каждым словом все дальше в прошлое уходил мрак пережитого и ярче становился солнечный день.

«Хорошо ли вы меня слышите, соотечественники! Ясно ли я говорю!» — вдруг остановившись, спросил он.

«Да» — разом откликнулось много тысяч голосов.

«Народ, который в течение более 80 лет вел упорную борьбу против французского господства, который несомненно тел мужественно сражался в рядах союзни-

Отрывок из книги С. Афонина и Е. Кобелева «Товарищ Хо Ши Мин: отходы выходы и политическая деятельность». Политическая литература».

ков против фашизма» — такой народ имеет право быть свободным! Такой народ должен быть независимым! — торжественно провозгласил Хо Ши Мин.

Рождение Демократической Республики Вьетнам стало историческим событием. Но каждая вьетнамец понимал, что молодую республику ждут серьезные испытания. Выстоит ли она, выдержит ли народ? Это были вопросы, которые ставила сама жизнь. Вопросы эти волновали и Хо Ши Мина. Он видел, что над страной стелется туча. Покосило царил нищета. Еды не было, голод, который свалился на страну обрушился зану. Революционная власть была еще слишком молодой и неопытной. В то же время со всех сторон к Вьетнаму спешили иностранные войска, от которых исходила самая главная опасность для ДРВ. Будущее республики зависело от очень многих факторов, в том числе и от своевременного решения целого ряда острых проблем внутреннего жезнн страны. Обсужденно этот проблем и было посвящено первое заседание правительства республики. Оно состоялось утром 2 сентября в зале бывшей резиденции французского губернатора в Северном Вьетнаме. Хо Ши Мин начал свое выступление с короткого приветствия в адрес членов правительства и сразу же перешел к главному. Отметим, что ни у него, ни у других присутствующих на этом заседании нет опыта управления государственным делами, он сказал:

«— Ну что же, мы будем работать и учиться, учиться и без ошибок, но мы будем их исправлять, у нас хватит мужества делать. Уверен, что добьется успеха. Этого нам поможет чувство глубокой любви к родине и народу...»

Перед ним на столе лежал небольшой лист бумаги с наброском тезисов сегодняшнего выступления. Из великого множества больших и сложных дел, стоящих перед страной, он выделил только самое важное и неотложное.

Первое — борьба с голодом. Нужно было мобилизовать все силы и средства, чтобы немедленно начать решение продовольственной проблемы, иначе голодная смерть будет и дальше носить лавина.

Вторая насущная задача — ликвидация неграмотности. Вскоре был создан Комитет по ликвидации неграмотности. В городах и деревнях открылись десятки тысяч кружков ликнеза.

Третье — ликвидация неустойчивой учебной год в республике. Хо Ши Мин решил, что ребятам, которые на тот событие. Он пишет «Письмо школьникам», в котором называет следующие три условия, которые смогут повзвучать поодиноку на территории образованной страны.

Первое — организация всеобщих выборов, осуществление демокра-

Фото Дм. Балтерманца.

тических свобод. Хо Ши Мин указывал: необходимо укрепить веру народа в новый строй. Этому способствовала широкая политическая кампания по подготовке и выборам в Национальное собрание. Одновременно была образована Комиссия по выработке конституции во главе с Хо Ши Мином.

Четвертая — агитационно-пропагандистская кампания с целью воспитания у граждан трудолюбия, бережливости, честности, правдивости и ликвидации дурных пороков и привычек, оставленных колониальными режимом.

Пятое — немедленная отмена подушного, рыночного налогов и платы за ренные переработ; абсолютный запрет курения опума.

Шестое — объявление свободной вероисповедания.

Такая программа конкретных мероприятий молодого государства.

«... в сентябре обстановка в стране резко обострилась. В Северном Вьетнаме при поддержке канхайштыской армии активизировались контрреволюционные силы».

Еще более напряженным было положение в Сайгоне. 2 сентября, когда в городе шла праздничная демонстрация по случаю провозглашения ДРВ, враги открыли огонь по колоннам. Было убито и ранено 47 человек. Поощряемые англичанами, французы устроили все более крупные провокации.

В ночь с 22 на 23 сентября они захватили административные здания и другие важнейшие пункты в городе. Это было начало

войны. Революционные власти Юга немедленно обратились к населению с призывом подняться на борьбу с захватчиками.

Вскоре на юге высадился французский экспедиционный корпус, и военные действия приобрели еще большие масштабы.

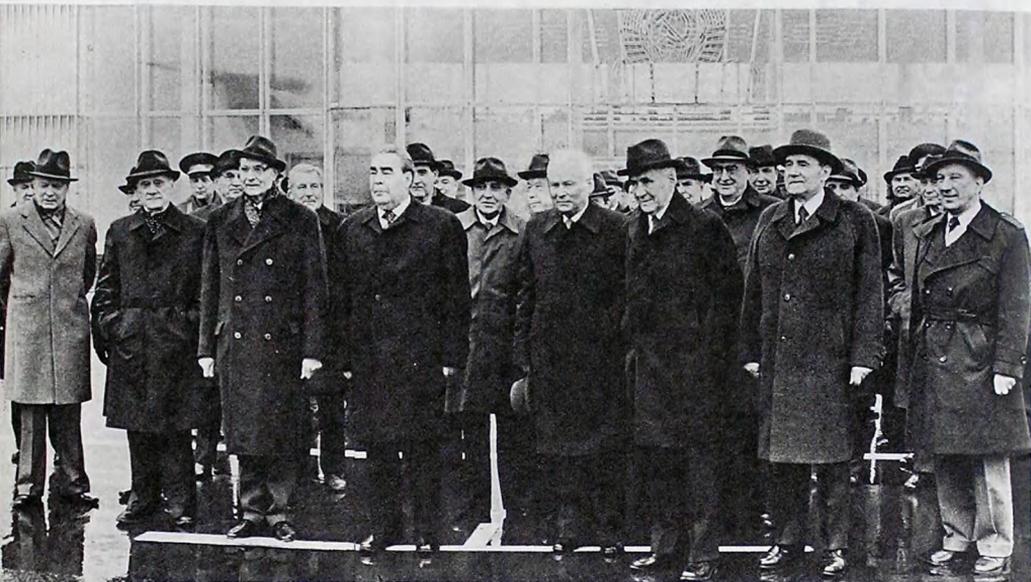
Организация сопротивления на Юге стала центральной задачей дня. Огромное внимание Хо Ши Мин уделял мобилизации народа на защиту революции и разъяснению характера Борьбы.

«...Одна из важнейших задач правительства состояла в том, чтобы выборы всеобщие выборы в Национальное собрание, назначенные на 6 января нового 1946 года. Это были первые всеобщие выборы в истории Вьетнама».

Итоги выборов убедительно показали, насколько высоким был авторитет Вьетнама среди народа. Наибольшее количество голосов получил Хо Ши Мин, баллотировавшийся в столице.

В первый год жизни республики многое из того, что происходило, совершалось впервые. Это были дни крушения старого, рождения и становления нового, небывалого на вьетнамской земле. И даже обычные события обрали теперь особую новизну, поскольку они тоже сочетались со словом «первый».

ОТЪЕЗД СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА СОВЕЩАНИЕ ПКК В

Проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. Гостева

ПРИБЫТИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В

Встреча в Варшаве.

Телефото В. Мусальяна и В. Соболева [ТАСС]

ИГОРЬ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Май 1890 года. В абрамцевский дом Мамонтовых вошла весна. У окна — двое. Один высокий, прямой, сдержанный — Нестеров. Другой помеченнее ростом, худощавый, поджимый — Врубель.

Два Михаила, два художника.

— Вот уже месяц, как работаю над «Демоном», ничего не получается, — горючо, взволнованно проговаривал Врубель, — пишется все не то. Межуси и мукашсь между работой и порывами к кубку жизни.

— Ветер открыл окно, с улицы плынула прохлада и свежетько.

— Задумал я отразить нашу национальную русскую ноту, — продолжал Врубель, — красивую, могучую ии... немножко печальную.

На Нестерова глядели странные прозрачные глаза. Быстрые, нервные, полны судорожного движения рук только подтверждали чрезвычайную ранимость творца «Демона».

Врубель оперся о подоконник и забко пожелсил.

— Мою искренность, — сказал он, — мое стремление к передаче страстных духовных движений, к экспрессии принимаю за парадокс, хотя иногда я сам чувствую, увы, что ничего еще не сделал.

— Михаил Александрович, — неторопливо промолвил Нестеров, — истинные художники: Илья Репин, Виктор Васнецов, Валентин Серов — все любят, ценят ваши творения, жмут многого, очень многого.

— Легко, Михаил Васильевич, все это говорить, — взорвался Врубель, — хорошо, когда у вас уже есть «Варфоломей»!

— Дорогой мой, — ответил Нестеров, — если бы вы знали, какие адавы муки я принял, написав «Варфоломея». Меняруго и сегодня. Ведь совсем недавно говорил, что я сумасшедший. Это мне казалась простодушная и милая барышня.

Он одернул строгий черный сюртук.

— В Петербурге, в Москве слушал я большие неприятности о «Варфоломеях», чем доброго слова главных: берете свои огромный талант! Думаю и верю, что он пойдет все предельно.

Кто мог предсказать в тот светлый, майский день, что Михаилу Врубелю осталось творить всего каких-нибудь полтора десятка лет. Но все же успел он за это короткий срок создать картины, поражающие познкой, страстными полетом фантазии, стремлением постичь мир, незведомый человеку, которые поистине станут драгоценными жемчужинами русской школы живописи. Он не вынес предосторожного неприятия и внезапной славы, лет бедности. В конце жизни тяжело заболел и последние годы провел в психиатрической лечебнице.

Другому участнику этой встречи в Абрамцеве — Михаилу Нестерову суджено было писать еще добрых полвека. Он ушел от нас в год своего восьмидесятилетия, в 1874 году.

Жизнь после жизни. Мгучая неотвратимая бездна.

Однако искусство, поэзия, музыка, любое большое творчество находят ясный ответ — великое создание живет после смерти художника, писателя, композитора.

Искусство — бесмертно.

Живопись, увидевший по-своему новь, время, людей, мир природы. Отчину и авешивший в это в каротких годах, звучный, а в очь в.

Так полнодневная река утом отражает в себе глады сумную, румяную зарю. Днем зыбкая рябь несет в себе сверканье солнца и бел обласок. Вечерний злат тает в покатых волнах. Наступает ночь, и тогда в черном зеркале вод река бежит лунный след и мерцуют искры звезд. Кажется, в эти титне мгновенья земной трепетной красы помет сама вечность.

Чем крупнее художник, чем более велик дар его музы, тем мощнее, обьемнее и красочнее мир его полотен.

На берегах реки Белой в городе Уфе родился 31 мая 1862 года большой русский живописец Михаил Васильевич Нестеров. Еще Аксаков воспел природу эти уральские края, сказочно неповторимых. Творчество мастера похоже на кристальные воды реки Белой — могучие, полные скрытой силы, иконной своеобразной прелестью.

Замечательная картина — «Видение отроку Варфоломею», написанная накануне двадцатого столетия, определила много иноваций нашего пестрого и светуемого века. Удивляет больше всего, что, используя в этой картине последние достижения европейского плеризма XIX века, художник создал феноменальное по духовности русское произведение.

Бывают личности, которые своей жизнью, долгой и многогранной, творчеством ярким, честным, духовно сложным создают национальное богатство, становятся частью истории Родины. Им безраздельно, до последнего дыхания, отданы все их помысли. Целком, без единого сомнения в правильности раз найденного пути.

Нестеров... Шестидеся лет труда, каждодневного, упорного, страстного, бескомпромиссного. Судьба его непроста. Ему довелось начинать

свою жизнь в искусстве рядом с гигантами русской школы — Суриковым, Репиным, Васнецовым, учиться вместе с Левитаном и Константином Коровиным. Показавши он на выставках свои полотна рядом с Врубелем, Валентином Серовым, Валентином Микенцовым, он уже в ранних работах обрел свой голос. Родился «нестеровская красота Руса» — лирическая, удивляющая свежетько, сердечность. Мастер владел могучими средствами пластики. Но главная его сила заключалась в проникновении в самую суть русской души с ее глубиной, подвидом, любовью к ближнему. Больше полувек творить и создавать шедевры, ничуть не теряя первоначальной остроты и напряжения, — по достоинству!

Это служение искусству являет собою достоверный пример самоотверженности, той поражающей драматичности, которая свойственна не многим. Нестеров — фигура историческая, он показывает нам пример суровой неприимчивости, гражданственности, патриотизма в самом высоком понимании этого слова.

Великая его роль хранителя традиций русского реалистического искусства и в то же время новатора, давшего нам совершенно новые толкование сюжетов, давно известных. Его искусство развилось на рубежье двух веков. Первые картины, ставшие ныне классикой, были откровенными детскими прозрениями. Муза осенила художника на великий труд, чтобы одолеть сложнейшие по духовной тонкости сюжеты. Древняя Русь с ее героикой, былинностью, дивной природой, словно жива, предстала в его холстах. Они были настолько необычны, что при всей классичности исполнения вызвали недоумство, злуту и критику. Но микенцов был уверен в своей правоте, он держал! Сегодня ясно, насколько значителен его вклад в мироощущение старой Русы, переданное языком нового искусства. Нестеров сумел воплотить темы национальные в форму настолько высокую, что его холсты могут быть справедливо отнесены к шедеврам мирового значения. Он творил во время «русского Ренессанса», как и Врубель, Валентин Серов, Левитан, Рабукшин, Виктор и Аполлонаррий Васнецовы, Борисов-Мусатов, Бенуа, Кустодиев.

Это движение в нашем искусстве характерно осмыслением русской иконной традиции, творчеством Рублева, глубиной проникновения в классическое наследие русской и западной живописи и одновременно освещением новейшей импрессионистской. Традиции и новаторство — вот два дела столпа, на которых змился новый храм русской школы живописи конца XIX — начала XX века.

В 1874 году из далекой Уфы в Москву приезжает паренек — Михаил Нестеров. Через три года восторженный провинция принят в Училище живописи, ваяния и зодчества. Долго бродит он по древней столице Русы, любуется Кремлем, Китай-городом... Потонулись годы учебы, но юноша никогда не забывал свой дом, старинный уклад быта, свою мать, о которой он после написал: «Она была с ясным, разумным мировоззрением, но с очень сильной волей и крайне деятельно; то, что она передавала в своей обласи, очень значительно и может служить красноречивым примером неутомимости в труде».

Детство. Родное гнездо. Первоначальная природа. Неохватные суровые, полные былинной красоты просторы — все это оставило в душе след незабываемый. Это была по чва, на которой возрос его недоимый талант.

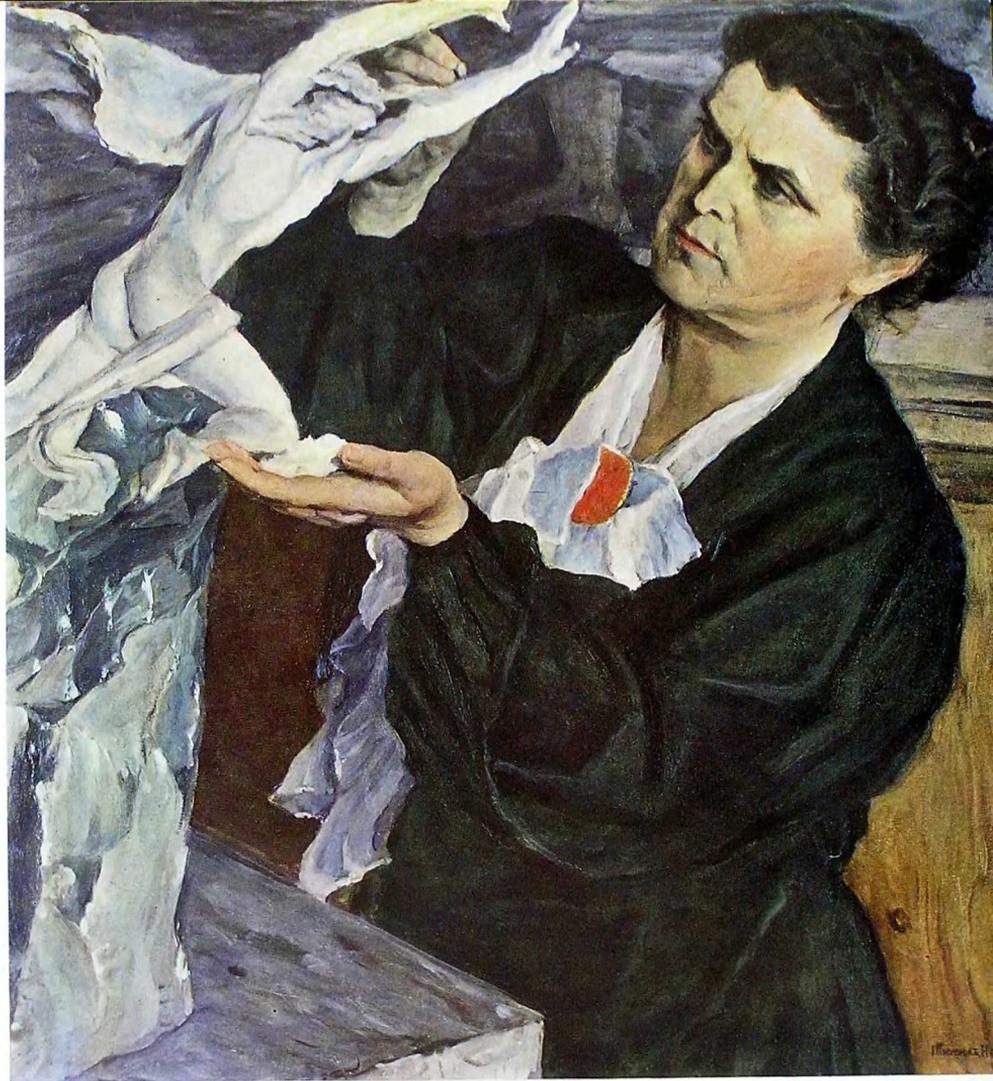
Училище живописи... Все здесь жило Перовым, дышало им, носило отпечаток его мыслей, слова, дел. Поэтому нечего удивляться, что первые холсты молодого художника были проникнуты духом Перова. Хотя, конечно, Училище были и другие преподаватели, и иные студенты. Нестеров восхищался работами братьев Коровиных, Левитана.

На третий год учения он экспонирует на ученической выставке картину «Съездом».

Вернисаж. Все ждуть Перова. Вот как описывает сам Нестеров этот день.

«Появился и он... Мы тотчас окружили его, и просмотру начался. Моя картина стояла в натурном классе, слева у окна. Долго мне пришлось ждать, пока Перов дошел до нее. Мою новую сердце смешались-бились, я переживал новое, еще неведомое чувство: страх, смешанный со сладостной надеждой».

Перов остановился против картины, все сгрудился вокруг него, я бинным взглядом и спросил: «Что вы скажете отсюда?» Нестеров: «Я замер. Перов бытот обернулся назад, найдя меня взором, громко и неожиданно бросил: «как-то!»... пошел дальше. Что я перечувствовал, пережил в эту минуту! Надо было иметь 17 лет,多么 впечатлительность, чтобы в этот момент вглядеть свое судьбу в чужом провинциальном... Я почувствовал себя смущенным из людей, забыв все, оставив и Перова и выставку, бросился бег из училища и долго бродил одиноким по стогам и весам московским, переживая свое счастье».

М. Нестеров. 1862—1942. ПОРТРЕТ В. И. МУХИНОЙ. 1940.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Нестеров. ПОРТРЕТ П. Д. и А. Д. КОРИНЫХ, 1930.

Государственная Третьяковская галерея.

в раму. Другая живописца одобрил картину. Один из первых опята был старый друг. Ему очень верил. Живописца, впрочем, не дожидаясь передвижной выставки года, оставил холст за собою. Стасов, Григорьев и Суворин обрушились на Третьякова, отговаривая его покупать картину. Памяти Мухомов выслушал их и ответил: «Если бы в картину Нестерова не вошла рама, то уверю вас, купил бы ее после всего того, что слышал сегодня от вас».

Стасов был неутомим. В отчете о передвижной выставке он заявил: «Только одному из новобригадов я не могу симпатизировать, это Нестеров... В то время, когда рисунки привлекли мое внимание, как-то по-французски, напуская на себя какую-то неестественную деревянность в линиях, фигурах и раскраке».

Мнение Стасова не возбодило Суворина, Виктор Васнецов, Пелевина, Ярошенко высказались в пользу Третьякова. Конечно, почти все спускается после события можно понять бурю, вызванную этой чудесной по живописи, искренней и правдивой, реалистической по языку картиной. Poleмика и страсти утихают, а истинное искусство живет. Слышком много таланта, верней, самой души вложил мастер в створку летописи, и она оживает, встает близкой тысяче зрителей, которым, кстати, совсем небезразлична история Сергея Радонежского, чья личность оставила немалый след в судьбах Отчизны.

В Третьяковской галерее картина была экспонирована в одном зале с полотнами Виктор Васнецова. Могучие «богатирья» ипотрота «Отрок», а Едино постолю ничуть не Левитов Едино. Конечно, такое сопоставление помогает понять, как сложна, неслерпаема историческая тема из жизни древней Руси. В запале сиюминутного страстного спора кто не заметит даже такой человек, как Стасов — крупнейший критик и искусствовед тех лет.

Пройдите и просмотрите эту экспозицию Третьяковской галереи. И вас поразит то особое место, которое занимают некоторые холсты по своей внутренней связности и красоте. Это «Гроиза» Рублева, этюд Александра Иванова, картины Венецианова, полотна Гей, Суворина, Виктор Васнецова, «Видение отроку Варфоломею» Савитина, другие пейзажи Левитана, «Оборона Борова-Мустова» и, конечно, «Видение отроку Варфоломею». Думается, что в этих холстах особенно поэтично и глубоко воплощены духовно-эстетические ценности русской живописи, ее могучая центральная музыкальность колорита.

«Видение отроку Варфоломею». Погоне осенний день. Золото лучится в каждой выгоревшей за лето травинке, искрится на листьях трещащих березок, мерцает в гуще леса, лежащего на пологих холмах. Тихо. Свежий хрустальный воздух прозрачен, и в этот миг с осенней остротой видишь каждую травинку, каждый камешек в зеркале реки. О чем-то шепчут бронзовые листья мотушечку дуба.

Остро ошущи ритм пейзажа древней Руси — или, как свечи, тянутся к небу, стройные купола маленькой церкви, просто вросшей в осенний баргачек леса. Посреди этих благодатных просторов засиял отрок. Своего рода «символ» — человек, в котором соединены открытые глаза с незнакомо. Крепко сама тонкие пальцы рук, он верит и не верит, что перед ним чудо. Пастушок в белой, шитой красным рубашке, в альх сафьяновых сапожках, словно зачарованный, замер. Попадает на руке стрелы.

Перед ним — человек, вокруг себя голово свинкина — сияние. Склонившись, старец благоговейно Варфоломею-Сергия... Нежная, светлая мелодия радости слышится в картине. Гармония тишины, благоговейного созерцания, восторга передается зрителю, и мы, дети XX века, тронуты до глубины души объединением Савитина и Нестерова. Матия кисти художника зовет к добру, к дружбе и любви, и этот, может быть, с первого взгляда навязный ритм живописца глубокий и мудрый. Ведь он продолжает исконные традиции Андрея Рублева — ученика Сергея Радонежского, говорящего: действуй во имя единения людей, борись со злом и неправдой.

Светлое сонно «Видение отроку» служит той же идее. Если вспомнить, что это лег ена, то можно лишь поразиться силе палитры, которая была способна так свежо, с такой чистотой донести этот Древний сказ.

Упорная учеба, наблюдение, освоение традиций отечественной живописи и мировой классики — все включил Михаил Васильевич в свое понятие. Умолкли восточные споры девяносто годов прошлого века... Мы стали с тех пор мучиться державой и научились беречь, ценить то старое и великое, что в насильной национальной культуре, что заведло нам вглубь прошлого. Тапердя не делается, а идет вперед, отсюда — очередь у выставки «скифского золота» или живописи Кустодеева... Мы поняли, что, забыв Вера нашей Родины, мы не почувствуем по-настоящему Сегодня и не увидим Загря нашей страны.

Нестеров прожил долгие творческие годы. Его полотна — мир прекрасного, и то бы он писал — пейзажи, портрет или картину, он всегда Нестеров — прямой, честный, непримиримый гражданин-патриот.

Художник говорит: «Я избегал изображать так называемые символические страны, предельно им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью. И в то время, когда в насильной культуре, когда, влекая к себе те люди, путь которых бы отражением мысли, чувств, деяний их».

Портрет. В руках мастера он становится глубочайшим истопкованием людской личности. Понимание, исследование и одоление непознанной, неизведанной могучим ладом величия духа Человека-творца. В истории искусства галерея образов современников — драгоценная летопись времени. Порою один небольшой холст художника больше рассказывает об эпохе, нежели многие толстые тома исследования, созданные иными учеными.

Нестеровым написаны десятки портретов. Среди них Лев Толстой и Максим Горький, академики Иван Павлов, Алексей Шусев, Алексей Северцов и хирург Сергей Юдин, левика Ксения Держакская, художники Виктор Васнецов, братья Корнихи, скульпторы Иван Шадр и Вера

Мухомов и еще много-много другие, замечательные, знаменитые и скромные, незаметные на первом плане. Они родились все персонажи картин Михаила Васильевича — красота души, духовность, Чистота и свет, излучаемый изнутри.

Один из последних портретов, написанный всего за два года до кончины Михаила Васильевича — портрет молодой озорности. Художник показал нам гениального скульптора — Бобова.

Русские женщины-ватели нашего века. Голубкина, Мухомов, Лебедева... Они, как замечание небывалого времени, — поэтичные, мятежные, страстные.

Мухомов — это она вознесла над Парижем стальных работоргов и колхозниц. Грудовая Европа ликовала, а вера Загря в эти свободные от пут капитала фигуры молодых людей, устремленных вперед.

Нестеров впервые увидел Бобова Игнатьевичу в 1939 году и сразу зарисовал его портрет.

Портрет скульптора И. И. Мухомова, Маленький холст. Но в нем движение, романтика эпохи. Лицо открытое. Крутые брови врезает. Взор глубокий и одушевленный. Крупный рот с мужественными складками. И нарушающее женственность мягкое овалы лица. Скульптор погружен в работу. Его руки, энергичные и нервные, мгновенно на глазах художника доводят модель фигуры Бобова — древнего северного бога вара. Воздух полотна, кажется, гудит от накала напряжения творчества. Мало есть картин, в которых так зримо представлен процесс создания. Мучительный и радостный. В этой картине раскрывается скрытая порою от глаз внутренняя красота ваяния. Есть одна замечательная черта этого шедевра. Несмотря на отсутствие временных примет — интерьера, костюма, — это портрет конца 40-х годов XX века, кануна великой битвы. На нем, изображен характер неустойчивый, цельный и разносторонний. Мухомов — это человек, которому не по себе! Это не означает, что в образе Мухомова не ощущается дух исканий, сомнений. Необычайно строг, собран скульптор.

Мастер с европейским именем, она выбрала все лучшее, что несет в себе мировая культура, и все же она осталась глубоко русским творцом. Мухомов — это человек, который, может быть, резковатый, правдивый, чистый, святой по устремлениям, написан блестяще. Фигура ваятеля монументальна, чиста, почти статична, но возгласит на скульптуру — она вся порыв, движение, полет. Кажется, вот опять отрывается от цоколя Бобов и понесется, сокращая все на пути... Портрет Мухомова — это человек, который, выходя в свет, восторг. Этой картинной художник еще раз показал неисчерпаемость своего духа и в о г о жарда, voluto к труду, к созданию.

Но, к сожалению, всему есть предел. Физические силы Нестерова были слабы.

«Мое здоровье», — писал он в 1941 году: «за последний год сильно пошатнулось, да и «пора косякам на покой». Устал я от всего... работать больше не могу: нет сил. Еще они были (коже-какие) летом. Тогда, в июне, июле я написал портрет скульптора Мухомова (художник, приобретенный в Третьяковской галерее), а в августе — портрет Сергея Бобова. В августе я устал до предела. Пока что иду первым, а что дальше будет, сказать трудно».

Нестерову была присуждена Государственная премия по живописи за портрет И. П. Павлова. Это была первая из подобных премий. Она была и первой. Михаил Васильевич не считал себя человеком, претендующим роли Михаила Васильевича Нестерова в развитии нашей культуры как носителя и продолжателя ее великих реалистических традиций. Он был один из последних живых классиков Руси, пронесших высокую этическую задачу — воспеть красоту, добро, свет.

Искусство Нестерова, многогранное и сложное, трбует более глубокого осмысления. До сих пор его роль как хранителя художественной отечественной школы и учителя еще вполне не оценены.

Он любил молодежь. Помогал советами. Денюшка рассказывал мне, что на открытии выставки «XV лет искусства СССР» в Историческом музее Нестеров пошел к нему и промолвил, указывая на «Оборону Петрограда»: «Вы сказали но о е о с л о в а в искусство!»

И когда отшелк вернисаж, он попросил Денюшку проводить его домой. Они шли пешком, говорили о гигантском размахе русской культуры, о музее Мусоргского, поэзии Пушкина и Тютчева, прозе Толстого и Гоголя, И. И. Васильевича вадру наизусть прочел отрывок из «Мертвых душ» — о русской поэзии:

«Не так ли и ты, Русь, что бойкая, неугомонная твоя несешь? Дымом дымится под тобою дорога, гремлет мосты, все отстает и остается позади... Эх, кони, кони, что за кони! Вихри дил сдают в вихри гонимые, и ты, Русь, что бойкая, неугомонная твоя несешь? Зашластят с вихрем знаменую мосты, дружно и разом разлетятся медные крылья, и почти не тронув копытами земли, превратились в один вытунные линии, летящие по воздуху... Чужим звоном заливается колокольчик: гремит и стелчется» ветром разогнанный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле».

«Много доброго сделал он для формирования таланта братьев Корнихи, Куриных, Ромедина... был строг и добр, суров и мягко-сердечен. Неизбежал фальшь и ложь, любил правду, слово Отчизну. Все, что знал его, помнят это замечательно острого, пронзительного человека, друга Толстого, Суворина, Левитана, Шамякина».

Нестеров — это светлый мир Руси, огромный, сложный. Он продолжил в века заветы Рублева: действовать во имя справедливости, правды и добра. Вот слова, написанные уже во время Великой Отечественной войны: «Явились новые герои, мы конца-края нет: ведь волею вся Москва — впереди я вижу события не только прошлые, но и сегоза-новые, победные».

Так в нескольких строках протягивается нить жизни и света в век — вот от Куликовской битвы до Великой Отечественной, до наших дней.

Вот это самая суть жизни Нестерова, великого русского классика-патриота.

Адам ШОГЕНЦУКОВ

БРАТЬЯ

Здесь плечом к плечу
стояли братья, первал,
мировой жизни защищая счастье,
чтобы враг его не растопил.

От разрывов мин стонали горы
и дробился на куски гранит.
Крыльями взмахнув,
как черный ворон,
клевом смерть нацелился на них.

Выстояли.
Сбросили к подножью
гор оставшего врага.
И ослы
чиста вершин пороша,
и цветут альпийские луга.
И стоит сонна у обелиска,
молодая,
легкая сонна,
перед ним склонилась низко-низко
голову зеленую она.
Крыльями, утругивши корнями,
как горняк,
врубилась в толщу скал.
Кровь и порох —
под ее ногами,
прах погибших и осколки сталь.

И когда,
спускаясь с перевала,
горняки торопятся в забой,

каждый добрым словом поминает
тех,
кто спит давно в земле сырой.

Не достроил дом.
Один фундамент
в сорок первом заложил отец.
За лесами гд-то, за горами
встретил смерть он стойко,
как боец.

В сорок третьем сын его,
подросток,
дом достроил.
И ушел, на фронт.
В сорок пятом
в безмянной роце
был он пулей вражеской сражен.
Ну, а потом — стойко,
скают оне.
Он заполнен гомоном детей.
Не жалея горла,
сладким соком
поливает ночи соловей.

Голубеет над горным небом.
Утро тихо трюнолу карина.
Смерти нет.
В делах — людей бессмертье.
Дом стоит —
бессмертье обелиск.

В мире —
все вместе.
Умолкнет свисток —
ласточка кверху летит,
как голец.

В мире —
все рядом.
Пожуянут луга —
озимая радость
пробьется в полях.

Жизнь —
это море.
Не отделишь
радость от горы.
Вместе их жить.

Тьма переумежу
со светом —
в глазах.
Утро — вечер —
вечности шаг.
Верю —
в начало.
Не верю —
в конец.
Судьбы вечновет
жизни венец.

лад: «Как это не твою работа? Не хочешь сам — так и спиши! Сейчас молодые люди не знают, что хотят, все ищут чего-то необыкновенного. А я вот где бы ни трюлился, мне всякая работа в радость, везде душу отдаю».

Мне было обидно от ее слов. Ведь на работе мы проводим большую часть своей жизни. И эту часть, проводить кое-как, лишь бы день прожить, делать дело, от которого не почувствуешь ничего, никакого удовольствия. Какая же здесь радость? По словам матери, я лентяйка, я работаю не хочу. Но меня никогда не трюгали, а наоборот, хвалили в общем, уважались и по собственному желанию работали в Москве, поступила в строительное училище. Вышла очень нравилась, а потом вышла на работу — разочаровалась. Думала — романтика, свобода, искусство. А на нет! Увидела совсем другое. Ну, год кое-как отработала. Уши обшарила опыты на работе согласилась с матерью: работа любая должна быть в радость. Только «любовь» в масштабе для всего человечества, все

Горы молчаливы,
если ветер их потревожит сон.
Кучевые облака,
как дети,
к ним припадают утром на поклон.
Но порой достаточно и слова,
чтобы вызвать гребельный обвал.
Правда гор —
как камнепад, сурова —
перед ней
пасует и металл.

Только воли ледоруб упорный
соладает с крепостью снегов.
И с трудом
уста отперют горы,
страхивая глыбы ледников...
Напрягая же волю, горды тунник,
сохраняй ее всегда в пути.
Горы —
это труд, и пот, и мужик.
А вершина —
вечно вперед.

ГОРНЯК

Под землей, под толщей складок
он надежен, как забой крепь.
У скальных,
Речь его весома,
точно камень,
намычет душу,
словно хлеб.

Смену сдвв,
отмыв лицо и руки,
распахнув рубашку на груди,
он спешит туда,
где на залуе
между скал седока Баксан гудит.

За рекой расцвел садик горой,
ствл там дом на улице одной,
в окне — солнце,
а над крышей — горы,
яблоно шелест —
за глухой стеной.

Он спешит,
весны не замечая,
что повсюду пролила свой свет.
Ранние тюльпаны отцветают,
длиннв аблонь
облетает цвет.
Вот и дом,
что сердце лаской лечит,
радостн в нем и вечная весна...
И она идет ему навстречу.
«Добрым вечером» —
говорит она.

Молодость не совместить
с печалью —
у нее убийца на устах.
Светом жизни
молодость вневает
каждый ядох свой,
каждый взгляд и шаг.
Осыплет ветер пылью снежной
головы и плечи тех парней,
кто дмуд домю,
окончив смену,
по пушистой
снежной целине.

За спиной —
рудник и пролодная.
В изюмлет небо солнце —
как желток,
На губах потрескавшихся
жег торопливо спеленный снежок.

Жизнь пьянит неконечной
работой.
И по ней
они рвяют шаг.
Потому что под землей —
в забое —
целый мир
лежит на их плечах.

Перевел с кабардинского
А. ГОРЮШКИН.

МАЯ

Жизнь начата
Как бы внезапно,
Как сил и мужества
Разведа.
Все из вчера
Стремится в завтра
Путем бодрящего расцвета.

Как разум
Сердце озаряет
Тревогой,
Болью, дерзновением,
Так неподдажности не знает
Способный к росту и цветению...

И для добра
С упорством мая
Трудится, сметая зло застоя,
Суть мирозданья утверждая
Неповторимой красотой,
Будь в поиске высилок истины,
Как подвиг, чист и бескорыстен.

Перевел с кабардинского
Б. ДУРОВИН.

нимаешь. А значит, я признаю: «Если не нашел — ищи!» В любом отношении к труду, к своему месту! Мелко всем удали и чувствуешь... Вали К.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя это письмо молодого человека, едва успевшего в жизнь, мы хотим, чтобы наши читатели помогли Вале К. Проблемы выбора профессии, отношения к труду, к своему месту в жизни — понятия сложные, и молодые люди не могут сразу в них разобраться. Интересно, что думают наши читатели по поводу спора Вали с матерью? И что такое «воле» романтика труда, свобода творчества, одной стороны, и необходимый, «нудный» труд — с другой? Хотелось бы интереснее, как отнесутся к этому письму Вали сверстники и ровесники ее матери. Люди, учуденные опытом, знаниями, прошедшие большую школу жизни. Ждем ваших писем, дорогие читатели.

Здравствуй, дорогая редакция!
Уже историей раз я перечитала статью Г. Куликовской «А человек ищет...» («Огонек» № 4 за 1980 г.). И решила написать.
Мне 21 год. Я еще молодая, хотя уже 4 года, как проведена мой последний звонок. За эти годы и много успела переучудить и «перепробовать».
Сразу после школы, не поступив в институт, пошла работать художником, вначале было ничего, а потом... надеело. Надеело до невозможности. Стала говорить об этом матери. Она меня не понима-

Вспоминим

С первым заместителем министра обороны СССР, Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участниками Варшавского Договора, Маршалом Советского Союза Виктором Георгиевичем КУЛИНОВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Нина ЯНОВА.

Готовясь к этой встрече, мы решили, что я возьму с собой почту «Летописи Великой Отечественной» и журналы с опубликованными в них первыми двумя номерами «Огонька» и «Летописи». Интересно, а сохранились ли письма двадцатилетнего лейтенанта-танкиста Виктора Кулинова, который вступил в бой в самые первые дни войны? С этого вопроса и началась наша беседа в рабочем кабинете маршала. На зеленом стуке стола для заседаний — пожелтавшие, истертые фронтовые письма, сложенные треугольником. Виктор Георгиевич с волнением перебирает их, вычитывая в адреса, написанные разными почтовыми ящиками.

— Очень, очень памятни мне эти треугольнички... Писали мы их, едва стихал бой, спешили обрывать близким: «Жизнь, дорогая, продолжаю воевать». И моя мать с тревогой и радостью ждала весточки с фронта. У нее я был единственный сын.

Отрываясь от писем, маршал открывает вторые номера «Огонька» с объявлением о «Летописи Великой Отечественной» и восклицает:

— «Вступая в год 35-летия Победы, мы обращаемся к участникам нашей войны, к их отцам, матерям, женам, детям и внукам; напишите нам в редакцию фронтовые письма и фотографии».

— Душад, вы получили немало таких бесценных документов! Их хранят по сей день, как реликвии, особенно в тех домах, где так и не дождался своих родных и любимых.

Я рассказываю Виктору Георгиевичу, что редакция уже почтой получила тысячи писем. Но в действительности почта «Летописи» гораздо больше писем и телеграмм прислала не одно, а целые пачки фронтовых писем. Виктор Георгиевич товарища главнокомандующего считать участником этого интима? Нет, говорит, отцу, жене, детям, жителям и павшим воинам — словом, всем, кто откликнулся на призы журнала.

— Охотно! — соглашается маршал Кулинов. — Вы делайте хорошее и очень полезное дело, собирая свидетельства неминуемо тяжелой, суровой битвы, из которой наш народ вышел победителем. Память о войне — оружие против войны!

— Я хочу задать вам, товарищ маршал, тот самый вопрос, с которого «Огонька» обращается ко всем ветеранам. Каков из военных эпизодов остался самый памятный?

— Памятно все, буквально все! Уже тридцать пять лет мнилось, а я так хорошо помню все: до долгие четыре года, словно это было совсем недавно... Особенно помнится самый первый день войны.

— 18 июня 1941 года курсант Гравенского пехотного военного училища Виктор Кулинов, как и многие другие, был досрочно вы-

пущен и направлен в Киевский военный округ. В тилом пограничном городе Базарно-Бульбонского стола 41-я танковая дивизия, где лейтенант Кулинов начал службу помощником командира разведроты 41-го разведбатальона.

— Меня часто спрашивают: знали ли мы, молодые командиры, о том, что война стоит на пороге? — нетерпеливо вспоминает маршал. — Конечно, мы ощущали ее тревожное приближение. По тому, что намались досрочные выпускные экзамены. И не только на немшем, но и на первом курсе! По дороге в Киев мы увидели зениты с войсками Северо-Кавказского военного округа, из которых была развернута 19-я армия генерала Конев. В полном составе она шла на запад. Во Владимир-Волынский приближение военной грозы чувствовалось еще сильнее. Ведь граница проходила всего в 12 километрах от города, и ее нарушали разведчики противника, через нее пытались пробиться диверсионные группы. И потом, почти каждый день становилась видна дымная завеса летала вдоль границы или вторгались в наше воздушное пространство. Но мы, молодые командиры, смотрели на это с героическим настроем, каждый подкара, свойственной молодежи.

22 июня на наш военный городок обрушился внезапный артобстрел артиллерийской батареи. Под разрывами снарядов я домылся до казармы. Комбат поручил мне с подразделением обеспечить связь с соседней 87-й стрелковой дивизией, которую предполагалось подерживать два наших танковых батальона. Три танка для провала в 87-й дивизию и видел, как героически защищаясь ее части прикрывали отступление. Во второй половине первого дня войны они повели контратаку и отбросили полки 44-й пехотной дивизии врага на 4—5 километров, к самому Бугу, а отдельные подразделения 87-й даже форсировали его, что записано в дневнике 14-й танковой дивизии противника. 87-я дивизия, как и соседняя 124-я, на третий день войны оказалась в окружении, но 25 июня вырвалась из него и на восьмой соединилась со своими войсками. 124-я стрелковая дивизия по тылам противника шла целый месяц и также пробилась к своим.

Я с разведчиками соединился со своим полком в районе контрфорса 215-й мотострелковой дивизии нашего корпуса.

— А дальше? Как сложилась дальнейшая судьба этой разведроты? — Главнокомандующий строгой сдержанности, улыбаясь неожиданно молодо и озорливо. — Вот ведь как это любопытная штука — военная судьба! Про-

шел всю войну, и в атаке не раз приходилось ходить, но, как ни странно, ни разу не был даже ранен! Контунга была, а ранений — ни одного. И ведь в каких жестоких боях побывал! И тогда, когда мы отходили от Чернигова на Прилук и Валушки, и потом, в сорок втором, во время Явковско-Сичевской операции.

Он помолчал, уйдя в воспоминания. — Был у меня фронтовой друг. Уникал, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из группы разведки, потому его отпустили в землянке. Он откликнулся: «Лучше послать на веду-

И снова я рассказываю маршалу о почте «Летописи». Именно сейчас, когда мы отмечаем 25-летие Варшавского Договора, все, кому довелось быть свидетелем зарождения на полях битвы с фашистами нашего боевого содружества, вспоминая о нем с особым чувством. В Магдальском аэропорту работает Вера Александровна Поздникова. В 1944 году 18-летняя радистка Вера участвовала в составе 33-й дивизии авиации дальнего действия в переброске через линию фронта в Словакию чехословацких добровольцев и оружия для готовившегося восстания, да что была награждена медалью «За отвагу». Участник 7-й Ленинградской партизанской бригады А. И. Гончарев прислал фотографии руковожденной группой немецких антифашистов Вильгельма Мартенса, вместе с которыми он ходил в разведку в немецкие тылы. А директор средней школы и директор цехов Жданова, Урали-

Фото В. Чиликина

хей Радом рванула шальная мина, и не стало моего друга... Многие, где прежде польские немцы — Гданьск, Маршал Советского Союза Кулинов — почетный гражданин этого города, и я прошу его вспомнить ту первую фронтовую встречу в Гданьске.

— Шел последний год войны. В двадцатых числах марта наша 66-я гвардейская тяжелая самоходно-артиллерийская бригада готовилась к штурму Давица, и на подходе к городу я впервые увидел наши танки с польскими орденами на башнях. Бой за город был жестоким, приходилось штурмовать каждую улицу и каждый дом, а когда освободили город, я узнал, что вместе с нами действовала подразделения 1-й польской танковой бригады...

своей победой, Александр Кичиц рассказал о своем отце, которого никогда не видел. «Учитель Иван Ефремович Кичиц, надел советскую шинель в 41-м, а в октябре 43-го года в наш дом пришла «попознана». В ней сообщалось, что мой отец, владимирский лейтенант командир пулеметного звена из 233-й танковой бригады, проявил героизм и был убит 13 октября в бою и похоронен в селе Ленново Могилевской области. Позже я узнал, что в том же бою за село Ленново впервые вместе с советскими войсками приняла участие 233-я танковая бригада, в которой воевал мой отец, подтвердив наступление польских воинов... Я был в этом селе в День Возрождения Польши — когда по традиции здесь встречаются советские и польские воины. Я стал в музее у стенда с именами погибших в бою советских и польских воинов. На том стенде, в девятый час дня, из гвардейской стрелки стоит имя моего отца».

— Да, вот как они читаются в судьбах людей, старинных исторических — толь, незбываемых Кичиц — тогда — нетерпимо прозвонит Виктор Георгиевич. — Первой иностранной воинской частью, сфор-

этого договора президентом США отложено. Более того, его администрация назвала членам НАТО размещение на их территории ракет так называемой средней дальности. И по дальности пуска и по мощи ядерных зарядов они способны поразить крупные экономические, политические и военные объекты стран Варшавского Договора. Я уже не говорю о том, что с баз, расположенных вокруг социалистических стран, а также с подводных лодок, вооруженных ракетами, также могут быть нанесены по нашей стране многочисленные удары. Как видите, беспочвенно об уязвимости ракетно-ядерной мощи США преувеличивается Пентагоном умышленно. Цель? Получить новые средства для развития стратегических вооружений и тем добиться превосходства в них над Советским Союзом. Провоцирование ракетно-ядерного состязания в мире и тем более в Европе — дело опасное и бесперспективное. Советский Союз не допустит ни нарушения нынешнего военного равновесия в Европе, ни того, чтобы с ним разговаривали с позиции силы!

Беседа с маршалом Куинджиным, Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участниками Варшавского Договора, подошла к концу. Мне осталось поздравить маршала с теми двумя письмами, которые, как нам казалось, были адресованы именно ему. «Момандир» стрелкового отряда в составе 10-го полка Плиосин из русской области Стойлово в Кировской области вместе со своими братьями Михаилом и Николаем сваражся с фашистами. Не вернулся с войны ястреб Плиосин. Но остались еще, их дети. Все заняты мирными делами, все на трудовом фронте. Но самым ценным является сердце, когда слышишь по телефону слова — война, атомная бом-

ба, ракеты. Неужели повторится то, что перенито и то должно остаться в памяти наших как подлинная война? Неужели Момандир, Янушу Брешневу, а также, кто оторвался от нас, даем возможность жить и работать. Нет, не дай им жить и работать! Пусть фото довершиет и другим социалистическим армиям Их путь доныне, для них еще война и добрая! — это письмо подписала от имени своей потихоньку братьев Плиосинских муж дочерей Якова Григорьевича, 37-летний рабочий лесхозованная Л. Милославская.

«Война — неадекватное слово. Применять его надо с осторожностью! Первым на войну ушел добровольцем мой старший сын, комсомолец Александр. Ушел и не вернулся. В сорочке третьем году младший, Януша. В себе все знал — не такого дела, где бы обобщил без Ивана Януша. Ему было 18 лет, когда он добровольцем ушел на фронт. А через год еще один «порохочник» на третьего моего сына, Евсей. Он воевал с первых дней. Длинным был его фронтовый путь-дорога. Не дошел до города, упал на землю 25 июня 1944 года. Только и осталось у меня — эти три фотокоричника и три письма-карточки и письмо. Имя, Софье Филипповне Янушиной, 87 лет. Януша я хорошо, дочери, янухи мы не хорошо относился. Януша в полном достатке, но дня не прожить, чтобы не вспомнились мои мои сыночки.

Как услышу по радио или по телефону, что убит, что убит, что убит, я стараюсь забыть нас в войну, я не вижу это без слез пережитого. И как мать тронх трибунных, я новой принимаю всех, кто хочет новой жизни, и проучу наших бывших военных командиров — это все мои сыночки мира!»

Виктор Георгиевич Куликов долго рассматривает в лицо трех братьев, что ушли на войну из алтайского села Гоголоха. Александр на фотографии по фронтовому поведению, а Софья Янушиной в костюме, а неумело повязанном галстуке. Младший, Илоша, смотрит со смиком не по годам серьезно и даже решительно.

— Сколько тысяч юных, смелых, беззаветно любящих нашу Родину отдали свои жизни в годы Великой Отечественной войны... маршалец прерывает молчанье нахально, не желая отступить на писанной матерей, к которым не вернулся с войны сыновья и дочери. Софье Филипповне, а в ее лице всем матерям я хочу ответить: вот уже 35 лет Европа, в прошлом, самая неспокойная часть нашей планеты, живет без войны! Мир в Европе во многом предрепродуцирован между собой, но обстановку не всем земном шаре. Нелегко он дается! Сколько раз империалистические силы ставили своей бронированной силой не по порогам людей доброй воли и в годы холодной войны и в годы жестоких военных операций в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в других районах земного шара.

Столь длительный мир достигнут благодаря миролюбивой политике Советского Союза, социалистических стран, усилившей международное сотрудничество и экономического движения, а также широкого движения сторонников мира и усиления неприсоединившихся стран.

История двадцатого века свидетельствует, империализм не мыслит существования без войны. Империализм так во всякую, что ее было больше число народов берет участь в свои руки, ликвидировав мирное существование. Это ограничивает их возможности для получения сверхприбыли, ослабляет их политическое и экономическое господство над миром. Расширение империализма предусматривает вмешательство в судьбу любой страны, вплоть до вооруженного вторжения. Адми-

нистрация Картера объявила жизненно важными для национальной Америки районами, по сути дела, все части света.

Чтобы сохранить мир на земле, необходимо постоянное укрепление системы мира социализма, разумная политика, всевозрастающее движение сторонников мира, постоянное и действенное разоблачение подлинной природы империализма, агрессивности блока НАТО, а также идеологической диверсионной империалистической пропаганды.

Чтобы избежать человечество от новой военной катастрофы, Коммунистическая партия и Советское правительство вынуждены отвлекать небольшие силы и средства на укрепление обороны. И если наш народ, народы братских стран пользуются благами мира, то это прежде всего потому, что Советский Союз вместе со всеми союзниками обладает всем необходимым, чтобы дать решительный и мощный отпор любому покушению на нашу страну, страны социалистического содружества. У нас есть то, что защищает, есть чем защищать, есть кому защищать.

Надежным щитом социалистических завоеваний служит Организация Варшавского Договора.

Это было очень мудрое решение — противопоставить капиталистическому военному блоку социалистический мирный блок. Когда можно сказать, говоря об итогах минувшего двадцатипятилетия: наш оборонительный союз и мирное сотрудничество, сотрудничество и в итоге военном плане достиг высокого уровня, который позволяет нам дать решительный отпор любому агрессору.

все имеющиеся варианты и выбрали самым оптимальным.

Тем временем главный инженер объединения Василий Ульянович Заборонюк и главный инженер Анатолий Лукич Гладкий вместе с группой специалистов готовили производство в кооперации. Ее сложность состояла в том, что подача воздуха не должна прерываться ни на минуту. Придумали и изготовили новые временные воздуховоды, а затем приступили к монтажу, предложенному новаторам. Все расцеты оправдались.

Случайное производство медпрепаратов критиковали за то, что коллектив не использует всех возможностей режима экономики. Конечно, можно было оправдать предприятие далеко не новой, устарела часть оборудования, программа растет, а на прежних площадях тесно... Но в коллективе понимали, что лучше оправдаться — творческий, инженерный поиск. И не за счет мелочей (короче, следить, чтобы не горели лишние лампочки на лестничных площадках), а за счет дисциплины — первая союзница экономии), а за счет главного — автоматизации производственного процесса. Сперва разработали оборудование, реконструкцию технологического sistema, замены старого оборудования новым. И еще за счет совершенствования учета и контроля расхода энергии, электроэнергии, газа, пара. Минувший год был в этом отношении, можно сказать, удачным. Если сметчики показывали, что у кого-то пере-

бор, энергетики тут же выясняли, почему. У и ликвидировали утечку.

В 1979 году реконструировали систему подачи воздуха. В том же году многое сделали для автоматизации. Будущие препараты «варятся» довольно долго, и самое сложное в процессе их приготовления — поддержание технологического режима: малейшее отклонение — ущерб качеству. Прежде химики периодически брали пробы, а затем требовалось, чтобы корректировали процесс вручную. Естественно, если управление автоматизировано, то гораздо легче заметить отклонения и вовремя внести коррективы. В первом квартале прошлого года было сэкономлено 178 тонн условной единицы топлива, а в первом квартале нынешнего года — 117. На 87 тысяч киловатт-часов возросла экономия электроэнергии. В первом квартале 1980 года по сравнению с четвертым кварталом минувшего года.

В тот день, когда я был на заводе, в цехе по производству оборудования народного предприятия в Новосибирске. Хорошая молва о производственном объединении «Минмедпрепараты» распространилась быстро.

А. ЦЕРБАКОВ,
собор «Огонек»

Минск.

О ЛЮДЯХ БЕРЕЖЛИВЫХ

Энергетики спорили с технологами. И те и другие стояли на государственных позициях. Отличие в позициях было только в том, что энергетики признавали, упреля эти позиции, рисковать, а технологи идти на риск опасались: «Вдур ухудшит качество продукции». Энергетики все же сумели доказать, что игра стоит свеч. Тем более речь шла о «свечах» весьма дорогих.

А дело в том, что компрессорный цех на производстве препаратов потребляет примерно половину всей электроэнергии, что берет это производство. Экономия каждого киловатт-часа здесь особенно ценна. Из того и исходила энергетика. Было решено реконструировать сеть коммуникаций, подающих воздух в основную цех. Имелось в виду сыграть

часть фильтров, а остальные модернизировать с таким расчетом, чтобы воздух поступал в установку, где идет процесс биотехнологического производства, причем — во всякой же чистой, как и сейчас. Пропускная же способность воздуховодов при этом увеличилась бы в удельных расках электроэнергии сократился бы. И соответственно. Тогда технологи оставили контраргумент: «Вдур оставит засоренный фильтр будет недостаточной» качеством лекарственных препаратов рисковать нельзя. Спор решило дело.

Начальник конструкторского отдела производственного объединения «Минмедпрепараты» И. В. Денкевич, конструктор Л. В. Родобольская, начальник компрессорного цеха В. Т. Щербакон, мастер этого же цеха А. Г. Сметанин, бригадир слесарей С. Т. Девыденко до мельчайших деталей разработали проект реконструкции со всеми расчетами, обсудили

Зденек ГОРЖИНИ,
заместитель главного редактора
газеты «Руде право»

экономического кризиса тридцатых годов. Артель учила солидарности в выступлениях на собраниях, была опорой антифашистской борьбы в годы войны. Памятник на могиле нечуждого красноармейца — тоже из гранита. Памятник классовой солидарности.

Сегодня в Енишовце на всю округу славится другой кооператив, земледельческий, — «Дружба». Это настоящая фабрика зерна и м.к.с. Кооператив объединяет несколько соседних деревень. Сегодня в корне изменился их облик, а главное — стиль и уровень жизни сельчан. Не хочу утомлять вас цифрами, но одну приведу. С полки, которыми я ходил когда-то в енишовскую школу, крестьяне-единоличники собирали не больше чем тонны по две зерна с гектара. Пахали на быках да ошарды. Матки, конские были большой редкостью. Сегодня с тех же самых полей собирают по четыре тонны с гектара. А столько тракторов и другой техники, сколько сейчас у любого землекопа, не набралось бы тогда и в нескольких округах, вместе взятых. В Енишовце парке кооператива — три страны, откуда пришел в Енишовце всякий сорт пшеницы неизвестной красноармейской селекции.

Недавно «Дружба» отмечала свое тридцатилетие. На торжественном собрании чествовали ветеранов, тех, кто тридцать лет назад выдал первый камень в фундамент коллективизации. Я знал многих из них. Большинство прошло добрую школу артели «Гранит» — заводную крестьянскую, наполовину рабочую. «Исконным» земледельцем из основателей «Дружба» был один Рихтер, отец сегодняшнего председателя. За ним потянулись и кооперативы и другие крестьяне, с детства знавшие лишь свой клочок земли. На нынешнем юбилейном собрании один из говорящих поклялся, что тридцать лет не пожалел о своем решении, ничто не заставило бы их вернуться к прежнему. Дух коллективизма, товарищеского рабства и артели «Гранит» передали, как эстафету, земледельцам «Дружба».

Инженер Рихтер, молодой председатель, сказал мне, что у него целый список желающих вступить в кооператив, получить денежную работу. Разумеется, ни в Енишовце, ни окрест не безработных. Причины социализма и общественной справедливости не пожелательны сегодня для всей чехословацкой деревни. В пятидесятые годы многие уходили из деревень в города, на фабрики и заводы; и известной мере это был объективный процесс: в стране бурно развивалась промышленность, деревенские переодолели и крупногосударственному производству не поддавался от избыточной рабочей силы. Но бесполокото то, что уходила молодежь. Старик горевал, что не смог оставить землю! И

Прошли годы, изменился сам характер крестьянского труда. Крестьянин сел за руль, стал тех-

ником, механизатором. А деревенские мальчишки не отогать от трактора или комбайна. Техника помогла вернуть молодежь к земле. И тогда «Дружба» уверенно смотрит в будущее.

Вот свидетельство человека, которого не заподозришь в симпатии к коммунизму, ни к социалистической Чехославии. Это заграничный журналист Ганс Дитц. Его отчет о поездке в августе, разумеется, выдержан вполне в духе буржуазной прессы, но, хотеть или нет, он верно оценил новое социальное положение чехословацкого крестьянина.

«Примечательно не сможет не удивить высочайший уровень сельскохозяйственных производственных кооперативов», — написал журналист из ДРГ: — «Где бы вы ни побывали, в Моравии или в Словакии, у вас все вызывает впечатление уверенности и процветания. Это касается не только самого производства, но и того, что оно дает населению деревни. Впрочем, сказать «крестьянство» будет уже не совсем точно. Это образование, квалифицированные рабочие и служащие. Мне откровенно признался, что в период коллективизации были осложнения, и многие из них и сейчас не знают, что лишь изредка кто-либо реализует свое право выйти из кооператива».

Недавно в Пражском Граде состоялось пленум ЦК КПЧ, на котором обсуждался широкий вопрос дальнейшего развития социалистического развития нашей страны. Пленум подчеркнул, что Чехославия на пороге восьмидесятых — все стороны развитого государства с мощным экономическим и духовным потенциалом. Для него характерны динамичный общественный прогресс, прочное единство партии и народа, крепкая дружба и сплоченность с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Думаю, эти слова глубоко отражают перемены, которые претерпела за тридцать лет и деревня Енишовце и вся страна. В СССР ежегодно приезжает 16—18 миллионов туристов — почти столько же, сколько в США.

Отношение к сегодняшней Чехославии, однако, зависит не только от объективности ее голоса, но и от предвзятости, неподсказанно кающихся идеологической борьбы, в чем мы, чехи и словаки, не раз могли убедиться, особенно в последние десятилетия. Вам, гражданам первой страны реального социализма, не надо напоминать, что наш строй не для вас служит примером и объектом подражания. Наши идеологи противники были бы рады представить сегодняшнюю Чехославия «холодную», «бесцветной», «печальной», где люди не имеют счастья, где царит мрачное настроение, «серость», «апатия» и т. д. Поверьте мне, так единственно достойным представителем чехословацкого народа, стоящими внимания западных гад, окажутся отщепенцы гострия прогрессивных контроллеров, сделавших предательство своим делом, и клевету на свою родину — предмет выгодной торговли, источником социализма.

Такой или подобный взгляд на Чехославия хотеть внушить миру те, кто никак не может забыть 1968 год, неудавшуюся попытку международного антикоммунизма отторгнуть СССР от семьи социалистических государств. Неоспоримые успехи Чехославии на пути социализма, без сомнения, имеют международное значение, и наши недруги отдают себе в этом отчет. Вот почему продолжают злобные античехословацкие кампании.

Собака лаяла, а караван идет дальше. Клевета не свернет нас с пути! Сегодня не 1938 год, год попутного монашеского гонимого, когда и лондонская «Таймс» и табельские бульварные листы объявляли Чехославия гонимой. Сегодня год 1980-й, у СССР надежные друзья, которым мы верим, как самим себе. В этом основа нашего оптимизма. Перемены в жизни чехословацкого народа необратимы, они — неотвратимое будущее нашего настоящего и будущего.

Этот светлов будущее весь наш народ неизменно связывает с братским Советским Союзом, с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР, десятилетия которого мы отметили в эти дни.

В юбилей не принято говорить о недостатках. Но друзья, я думаю, меня поймут. Мы не скрываем и не должны скрывать того, что еще мешает. Проблем хватает — они касаются качества работы, снижения внутреннего рынка, уровня обслуживания населения. Нам сохранение не могут, например, понять, почему страна с такой развитой промышленностью из года в год сталкивается с нехваткой запасных частей для импортной техники. Часто люди портят жизнь, какая-нибудь мелочь, против которой не надо издывать специальных постановлений, а надо, чтобы просто каждый ответственный работник любого уровня добросовестно выполнял порученное дело. Не всегда по-хозяйски мы расходует доверенные средства, все еще приходится вести борьбу с пережитками феодального общества, с остатками порочного наследия, с отсталостью, эгоизмом, недобросовестностью. И об этом шла речь на недавнем Пленуме ЦК КПЧ. Это часть всемирного общественного развития, которое будет посвящено XVI съезду КПЧ в следующем году.

Когда выйдут тот номер «Юнкера» в Чехославия, будет в разгаре. Слова распустились, сирень, которой Слова Прага встречала в сорок пятю своих «юнкеров», надвинулась. Мы ждем, чтобы в Енишовце опять засеяли лен и благодарные женщины положат гранитную надгробную букету чехов. Да разве только в Енишовце!

Прага.

35 лет — эту цифру мы видели в огромных витринах магазинов и отелей Праги, у прокладок и в цехах крупнейших заводов, с ней встречались на сельских улицах. Мы видели, как заняты эти улицы трудов, как в честь этой цифры, в годовщину тельной даты горюнки и металлургии Остры, машиностроители Пльзена, швейники Простеява, колхозники параша атомной энергии вблизи Чехословацкой Трнавой. Кооператоры в Южной Чехии.

Во время поездки по стране буквально на каждом предпринятии встречались с яркими примерами международного сотрудничества, взаимной помощи, обмена достижениями народов наших стран.

Особенно достойно сказать, что за последние десять лет оборот в торговле между нашими странами утонулся и достиг семь миллиардов рублей. Во внешней торговле Советского Союза Чехословакия занимает третье место. Одна треть внешнеторгового оборота Чехословакия приходится на Советский Союз.

...Планисты и изображенники советских военных-освоителей — на стенах жилых домов. И цветы. Море цветов у обелиска наших чуд-богатырей — на братских кладбищах и на безымянных могилах. Мы стояли у спорбно-торжественных гранитных надгробий на кладбище советских военных в Праге-Флэтках — здесь похоронены сотни из тех 140 тысяч сынов и дочерей нашей Родины, что отдали свою жизнь за освобождение Чехословакии.

Двадцатиклассник красноармеец Саша Никитин погиб 6 мая 1945 года. Он похоронен неподалеку от могилы маршала кутузовской армии Телпова. Да, земля родина юного воина Советской Армии и храброго офицера-кутузовца, освобождавшего Европу в начале прошлого века от другой тирании!

Александр ПАНЧЕНКО, Фотос Александр ГОСТЕВА, Специальные корреспонденты «Огонька»

КАК ВЫЛЕЧИЛИ ВЛАДИМИРА МРАЗЕКА

Начальник цеха атомных реакторов завода энергетического машиностроения комбината «Шкода» имени В. И. Ленина, коммунист Владимир Мразек стройен и молодого. Его по-чехоски легкую фигуру в голубом, идеально отглаженном костюме за рабочую смену можно видеть в разных цехах огромного — высотой в 42 метра! — цеха строительства атомных реакторов.

Владимир Мразек подвижен, но не сутулый — он из тех, кто не подменяет деловитость суматохой.

— Не верится, что из моих неполных шестидесяти сорок три года промчаты тут, на «Шкоде» — смеется он. — В четырнадцать лет, еще до войны, я был мальчишкой на побегушках в одном из дымных цехов стерой «Шкодовны». Начавшая война, фашисты пришли в Чехословакию, и меня угнали в Германию. Наконец наступил светлый день освобождения. Вернулся на родину. Направили в ПТУ на «Шкоде», затем — техникум. На заводе стал коммунистом.

Энергетическому хозяйству молодой республики, приступившей к строительству социализма, требовалось много газовых турбин. Вместе с советскими специалистами, друзьями по работе Владимир в короткие сроки налаживает выпуск важнейших агрегатов.

Толкового, энергичного техника, умеющего работать с людьми, отмечают руководители завода. Ему предлагают стать начальником цеха турбин. Он соглашается. Все шло хорошо. Но неожиданно стало пошишать слухи.

— Мы беседуем с Мразеком у шахты, где проводится испытание частоты реактора на давлении. Владимир говорит, а сам то и дело смотрит в другой конец цеха — там сварщики приступили к работе над корпусом четвертого реактора.

Сприняв у Владимира, как он решил повысить такую крупную сумму, по сути новую для себя депу.

Мразек улыбнулся: — Я хотел попросить у начальства отставку по болезни, но тут-то мне и предложили новый чех. Он был еще тогда только в проекте. Видно, дело интересное, но подумалось, а как сердце, выдержит? Надо же лечь по положительным эмоциям! — сказали мне в партоке.

— И что же, вылезли?

— Видно, все же было немало положительных эмоций. И, честно сказать, я пока не жалуюсь на здоровье. Скажу бодрее — сердце радуется, что наша Чехословакия на моих глазах стала второй после Советского Союза страной в рамках СЭВА, которая будет производить оборудование для атомных электростанций. Стены из стекла и анодированного алюминия возводили не по дням, а по часам — это было радостью! Специальное оборудование из Советского Союза поступало без задержек, и монтажники работали, не зная усталости. Когда краны-великаны — пополнили между пролетами, мы ликовали. Потом поехали на учебу в Советский Союз, на родственные предприятия, где нас встретили как братьев. Составляли кадры электросварщиков для атомных реакторов у себя на специальных курсах подготовки — это тоже наше достижение!

Владимир увлечается, и эта часть его монолога звучит как вдохновенная ода сварщикам — все профессии хороши, но что подделает, сердце начальника цеха принадлежит в первую очередь им — таким, как Иозеф Швекел и Индржих Криксман. Это люди новой для Чехословацкой профессии. После ПТУ еще в течение трех с половиной лет они на специальных курсах осваивали искусство сварки частот реактора.

Индржих называют заводом сварки. Он ударник социалистического труда и закончил семь специальных курсов. Но зато как сваривает! Дефектоскописты в шутку обижаются: «Их нас оставилась без работы».

Слушая с интересом, но молчу собеседнику кажется, что он не до конца увидел меня в высоком классе работы своего коллеги. Эпизод один сварщикам прозвучал на самой высокой ноте:

— Недавно по случаю отправки корпуса ядерного реактора для первой венгерской атомной станции у нас побывал посол Венгерской Народной Республики и залобовался работой Криксмана. Узнав, как много сердца и умения вложил рабочий в сооружение этого реактора, посол пригласил его погостить в Венгрии.

Мразек рассказывает о заводских делах, а я думаю о том, что в его личной судьбе отражена «ядерная программа» его родины и он вправе говорить тем, что принимает в этом участие. Все понимаю, как велико значение этой программы. У меня, как много сердца и умения вложил рабочий в сооружение этого реактора, посол пригласил его погостить в Венгрии.

рамы сотрудничества стран — членом СЭВА, которая предусматривает совместное решение топливно-энергетической проблемы.

— Значит несколько цифр, а их знаю наизусть, — говорит Владимир. И я записываю: с 1981 по 1990 год наша атомная энергетика तक прибавку мощностей, равную суммарной всех электростанций, построенных в республике до 1970 года! К 1986 году будет произведено 19 реакторов мощностью в 440 мегаватт каждый.

Они предвещают, как для наших АЭС — добавляет Мразек, — так и для станций в Венгрии, ГДР, Польше и других странах СЭВА. Скажите, ну, разве все это не положительные эмоции! Так что больше мне ни в коем случае теперь нельзя — я просто не могу себе этого позволить!

...А теперь, в продолжение рассказа Владимира Мразека, мы приглашаем читателей вместе с нами отправиться из города Пльзена, где работает Владимир Мразек, в небольшой поселок Ясловске-Богумиче. Здесь вот уже полтора года действует первая чехословацкая АЭС. Советские и чехословацкие специалисты в короткие сроки возвели красивую станцию в степях под сплавочным городом Трнавой. И за это трудовой подвиги многие специалисты из нашей страны, которые тут работают, отмечены высокими наградами СССР и ЧССР.

В холле административного здания станции, скорее похожем на холл санатория дизаном и обилем цветов, мы обратили внимание на плакат: «26 марта 1980 года в 4:47 утра поставлен под нагрузку второй блок! Под плакатом светятся цифры набранной мощности. Старший инженер по реакторам Иозеф Клима смотрит на них с удовлетворением: «младенцев» исправно наращивает мощь, подбрасывая за сутки в энергетическую топку страны без малого по 10 тысяч киловатт! Так что уже в мае он сравняется с богатырем — первым блоком, рассказывает инженер.

А дальше уже монтируется третью блок, за ним — четвертый. И каждый сэкономит миллионы тонн угля, что очень важно и для сбережения топлива и для охраны окружающей среды. Вопреки распространяемому мнению объективные данные убеждают, что ядерная энергетика по воздействию на человека и на живую природу гораздо чище и безопаснее, чем энергетика на традиционных органических источниках тепла.

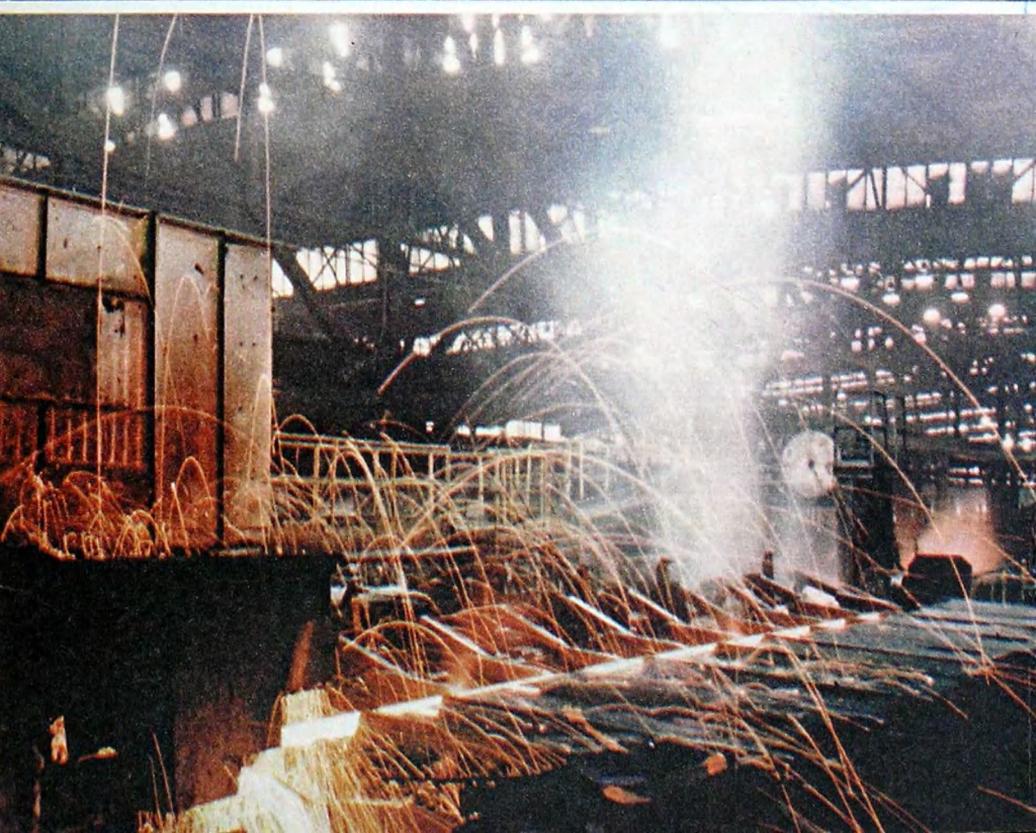
Нам приятно было увидеть на атомной станции в Ясловске-Богумиче интернациональные бригады, где работают чехословацкие и советские специалисты: сборщики, пусконаладчики, операторы реакторов, дежурные у пульта управления. Молодые чешские и словацкие инженеры (большинство из них до тридцати) учатся у таких опытных мастеров атомной энергетики, как Артур Гонсранц, Вадим Лепсин, Виктор Йоскутов, Генрих Яновский.

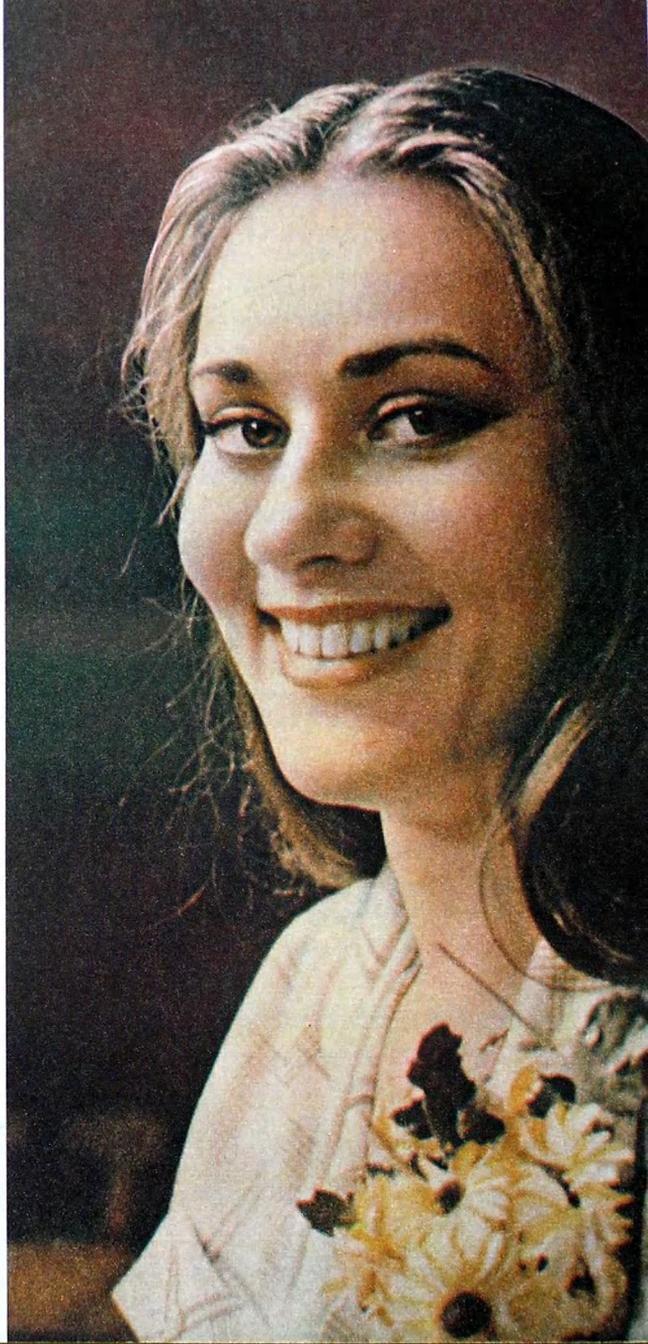
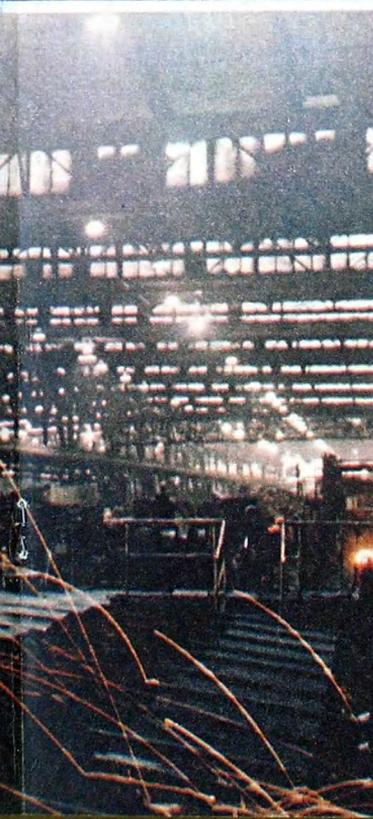
Побывав на первене атомной энергетики ЧССР, мы вспомнили о нашем пльзеньском коллеге — здесь мы тоже получили заряд позитива — здесь мы тоже получили заряд позитива с ним с Владимиром Мразеком!

У пульта управления первой АЭС республики в Ясловске-Богумиче советский инженер П. Рекуц и словацкий инженер С. Перселеный. * Очередная партия электротоков из Пльзена готова к отправке в Советский Союз.

НА РАЗВОРОТЕ ВЛАДИК: Злата Прага. Исторический центр города. * Острова. Трубопроводный чех металлургического комбината имени К. Готвальда. * Технолож Простеявского швейского предприятия Ирена Пржемакова.

ОБНОВЛЕННОЕ ПОЛЕ

Глава на штурвах несущих пиццериики единого сельскохозяйственного кооператива села Горькинин, уточню:

— По достижении шести яиц от хохлатки в год!

Председатель кооператива Антонин Сува, темноволосый, молодой — ему нет и сорока, — смеется:

— Да, по яичу в день. Конечно, за выметом выхвачу и продам.

— Почему же таким курам не поставлю памятник из золота?

Антонин охотно поддержал шутку:

— Представь себе, Антонин, вынул на кооператив. Будут зарабатывать каждый день — за золотым памятником дело не стоит.

Разговор шутливый, но за ним являлся дела серьезные. Птицеводство — единственная трудящаяся отрасль в кооперативе, а условия угодья которого раскинулись на плоскогорье Южной Чехии, крашевищей области всей республике.

Председатель кооператива любит и ценит красоту этой земли — здесь он родился. Он даже цитирует строки своего земляка, поэта Доната Штайнера, о необычных краях, которые заставляют влюбиться в этот край, в его природу. Когда же закончатся эти строки, и Антонин Сува начинает чертить: «Трудная земля» — поэт кончается. Теперь уже говорю о хозяйнической реалист. Он вновь повторяет, видно, часто произносимые и вслух и про себя слова: «Трудная земля».

Я смотрю по старому. Такая благодать — лес окрест полей, хотя и раскинулся по поздней весне, можно заметить. Слышны серебряные высокие ноты ошалевших жаворонков... И вдруг начинаю понимать, что имел в виду мой собеседник. А где я видел такие же аккуратные горки сорняков наемки и окраины поля, эти пышные бузьяники на пашне и луговины? Ну, конечно же, в Эстонии! И в Северной Белоруссии и в Верхневолжье, но там это было наследие ледников. Помнится, колхозники в Эстонии: «Днем кажини, а ночью на том он снова вырастает». И, словно угадав мои мысли, Антонин приводит старинную крестьянскую присказку своих родных мест: «Здесь кончается злеть, и начинается злоба». Вспомнил: «Днем кажини, а ночью на том он снова вырастает». И, словно угадав мои мысли, Антонин приводит старинную крестьянскую присказку своих родных мест: «Здесь кончается злеть, и начинается злоба». Вспомнил: «Днем кажини, а ночью на том он снова вырастает». И, словно угадав мои мысли, Антонин приводит старинную крестьянскую присказку своих родных мест: «Здесь кончается злеть, и начинается злоба».

За счет чего же такие урожаи? В ответ председатель достает из бузьяника два десятка... визитных карточек. И секретаря раскрывает, доктор, кандидаты наук — агробиологи, животноводы, инженеры, агрохимики, мелиораторы — остались в кооперативе свои визитки не просто так, на всякий случай. Они тут работают! Ученые различных институтов и станций — желанные гости на полях и фермах кооператива села Горькинин. Промышленники и работники культуры.

В последние месяцы забот у Сувы заметно прибавилось: он возглавил правление районного межхозяйственного животноводческого объединения — в нем 28 эдаких кооперативов. Коллеги доверили руководство новым сложным органом одному из самых молодых председателей в районе.

И еще «скрестя» — аккуратные штабеля превосходных компостов. Высокая плотность жи-

вотводства — только коров 1,2 головы на гектар при средних урожаях в 3 с половиной тонны. Соперничать с опытным хозяином заправлять поля орудиями.

Над дальними полями пролетел самолет, оставаясь глубоководно-белый след. Силуэт самолета показался мне очень знакомым. Сува, задумавшись, предложил проехать туда, где приземлился самолет.

Упрамья «Шкода» едва пробилась к нему по грунтовой полевой дороге. У самолета не было работы, слышался чешский и русский речь. Главный агроном кооператива — Богатырь Франтишек Смидал деловито руководил погрузкой удобрений, уточнял с пилотом маршруты.

— Вы считаете, и еще один наш секретер высоких урожаев, — объясняет Антонин Сува. Он как к добрым старым знакомым обращается к пилоту Николаю Сергееву, авиатехнику заводского обслуживания авиации Анатолію Раузиному: — Спасибо, друзья!

Летчики прибыли сюда из Советского Союза для проведения важной и неотложной работы — подкормки зерновыми: из-за запоздалой уборки урожая советские авиаторы подкормили «СССР» нынешней весной почти тысячу гектаров посевов.

ТРАДИЦИИ, МОДА, КАЧЕСТВО

— Ох, и глаза у тебя! Острее, чем у авиониксатора, — недовольно ворчит молоденькая швея, от которой в ОТК поступило, казалось бы, безукоризненное шитое модное дамское пальто. А контролер Марта Фришова одним замечанием не обескуражили: у швейного предприятия из Простевце высокая репутация и славная слава и на внешнем рынке, так что обиды, молчаливости и отчужденности, Спокойным, ровным голосом Марта объясняет ошибку, показывает на едва уловимый дефект в изделии.

«В соответствии с этой оценкой и дамкой: «Ведь такую пуговичку можно легко исправить!» Но не тут-то было: пальто — ах, какой покорой и расцветки! — нещадно бранится.

Конечно же, — говорит мне Марта, милые видны и мне. И отчужденности столько строгости! — маленькая косметика явно необходима. Только после нее пальто попадет в один из наших магазинов. Увы, понимаем, что фактически изделие безукоризненно, но марально... нет! Вот почему процент рекламаций у нас ничтожен, — их почти не бывает.

И это при огромном объеме производства: Простевце с филиалами — крупнейшее швейное предприятие Европы и крупнейший экспортер готовых мужской, женской и детской одежды. Задешнюю продукцию высоко оценили в двадцати с лишним странах мира, в том числе в ФРГ, Англии, Голландии, Франции, США, Швеции, Японии, Канаде.

— Советский Союз, — сказал в беседе с нами завсудейный отделом рекламы завода Вацлав Скричка, — наш самый надежный партнер. Почти половина наших изделий поступает в советские магазины.

В честь 35-летия освобождения страны девятилетний коллектив дал слово — значительно превысить план поставок одежды в СССР. Увеличив внимание к другим видам специального олимпийского модели, главным образом молодежному.

Вот уже 15 лет предприятие в Простевце сотрудничает с ленинградским швейным объединением «Ленинградская». У ленинградцев производятся позитивными идею трех ступеней в борьбе за качество.

В чехах мы обратили внимание на лозунги: «Не продолжай работу, которая плохо мещает твою физическую и умственную способность твоим рукам». «Лозунг эти мы привезли из города на Неве. Они очень активны, постоянно «работают», — объясняет Скричка. — Добавьте к этому и эстетическое качество изделий за качество». (При этих его словах я вспомнил строгую Марту Фришову.)

Да, здесь скрупулезно, всесторонне исследуется спрос покупателей. От Дамы до шести тысяч костюмов в массовой серии (такие партии считаются экономически выгоды-

ми). Психолога покупателя заставляет швейника помнить, что никто не любит встретить чуждого человека в своем костюме. И потому костюм любого фасона (пусть даже самого удачного) здесь выпускают не дольше трех месяцев.

И еще тут учитывают рекомендации Пражского института культуры быта и одежды. И сами художники предприятия два-три раза в год выезжают в признанные зарубежные центры законодателя мод. Простевце ежегодно предлагает за рубежом свои коллекции, а также своих изделий, три четверти из которых принимаются! При этом, как говорили нам дешине технологи, на внедрение модели в производство требуется в среднем всего лишь месяц (и), а самой сложной — до трех месяцев.

Прямо скажем, званые сроки, и они заслуживают того, чтобы опить Простевца был изучен неши легкой промышленности.

Рассказывая, в расколке Вацлаву и директору ангиографа предприятия Мирославу Гурке о том, что был доволен двумя простевскими костюмами, купленными в московском ГУМе.

В ответ оба показали мне ярлык на подкладке своих пиджаков.

— Мы не можем поводить свою фирму! Предпочтем ее продукцию. Надеемся, после этого вы сможете сделать еще тридцать костюмов из Простевца не за горлами!

ОЛИМПИЙСКОЕ ДЕРЕВО ДРУЖЬИ

Вокруг дома-мастерской на открытой лужайке немало работ мастеров скульптора. Законченных и еще не завершены. Но одна из них привлекает в последние месяцы наибольшее внимание пражан. Когда мы были в мастерской Эдены Немецки и его супруга, художницы Корнелии Немцки, мы заметили, как эти произведениям близилась к концу. Большая скульптура «Олимпийское дерево дружбы» теперь, я думаю, уже находится где-то в пути к Таллину. Скульптор и скульпторша уже в дар олимпийскому городу на Балтике в день 35-летия освобождения Чехословакии Советской Армии!

Эденок, широкоплечий, высокий, в клетчатой кофте, смелый, открытый, привыкший жить в сильных палящих глину и расквашивает:

— Идея создать сберную скульптуру «Олимпийское дерево дружбы» пришла ко мне во время прогулки по берегу реки Влтавы. Видно, реки совсем ясны с мастерской. Сидишь речкам: они поняли и горячо поддержали мою фантазию, подарили двенадцать якорей. Я уже отчетливо представлял основную часть скульптуры, сплетение якорей — якоря, словно вырастающих из пяти олимпийских колец, и центральный ствол, возносящий якоря-ветви на симметричную высоту.

В союженной из необычных материалов и деталей (медь, сталь, релакс, якоря) скульптура не и намека на звуковую абстрактность. Она очень органична и пластична. Легко представить, как хорошо впишется «Дерево дружбы» в коллекцию сооружений в парке олимпийского города. Скульптор вместе с главным архитектором Таллина уже выбрали для него место — в шестидесяти метрах от пьедестала почта, на который будут подниматься победители олимпийской регаты.

Нас приглашают войти в мастерскую, в дом. Новый сюрприз! Оказываются, мастер готовит в дар столице XXII Олимпиады еще одну скульптуру — трехметровую бронзовую фигуру девушки — метательницы диска с лавровой ветвью в руке.

— Я не сразу выявил этот сюрприз. Но в конце концов предпочел все же его, — рассказывает Эденок Немецки. — Ведь диск — символ легкой атлетики, которая во все времена считалась вершиной Олимпийских игр. А законченность и высокую символическую фигуру спортсменки придает, на мой взгляд, лавровая ветвь в лавровый корон.

Скульптор уже подарил свои произведения пражским олимпийским городам — Салперо и Мюхлеву.

Я очень рад открытию московских Олимпийских игр и уверен, что арагам международной разрядки не удастся осквернить могучее чистое течение олимпийской реки! — сказал он, прощаясь с нами.

Прага — Москва.

В. ДУНАЕВ, специальный корреспондент «Огонька»

Пора было уезжать из Праги, а я еще никак не мог встретиться с этим человеком. В редакции «Знаменника» мне отвечали: «Товарищ Дребота в командировке». Я знал характер этого командировки и не удивлялся его отсутствию. Индрих Дребота занимался поисками советских самолетов, сбитых фашистами в годы войны в небе Чехословакии. Но все-таки мы встретились.

Комната, в которой я беседую с Индрихом, больше похожа на музей, чем на кабинет журналиста. Здесь и погнутый пропеллер, ислепшая ткань парашюта, и крепящие ремни летчиков, и поцарапанные куски металла, комбинезоны, карты и документы, слышится от крова.

Все это результат наших поисков — говорит Индрих. — Вот пистолет, по номеру на ручьятке мы нашли его владельца.

Героя, погибшего на нашей земле в годы войны с фашизмом, находят свои имена.

Индрих молод, крепок, энергичен. Его светлая голова смеется доверчиво и упрямю.

— Индрих, — спрашиваю я, — а с чего все началось?

— Мой отец, сражаясь с фашистами в рядах чехословацкого корпуса, созданного в Советском Союзе. Он прошел от Киева до Праги. В 1970 году в мои руки случайно попали достоверные личности убитых в Германии советских граждан. Я попытался их разыскать, но безуспешно. — Индрих, — говорю с коллегой-журналистом, речь зашла о том, что наша земля хранит остатки сбитых советских самолетов. Я решил отправиться на поиски. И вот в лесу, среди бурелома, мы увидели часть двигателя штурмовика. Прошли несколько метров и в пруду нашли кусок крыла.

Мертвый металл никак не мог нам сказать. Мы стали спрашивать всех, кто помнил воздушный бой. Так собирали по крупицам то, что зарила память людская. Главное же надо — узнать имена героев, найти их родственников и сообщить им о месте гибели близкого человека. Мы торжественно хороним останки погибших. На похоронах собираются и взрослые и дети, военные и

штатские, граждане нашей республики и нашей страны.

— Что же дал поиск?

— Только в Моравии мы обнаружили останки двадцати советских летчиков. В Боуславице, недалеко от Олавы, во время Остравской операции был сбит советский штурмовик. Самолет упал в болото. Его остатки мы нашли на трехметровой глубине. Собирали несколько вещей, в том числе орден Отечественной войны первой степени. Нашли мы и личные документы летчика.

— Сколько же человек участвует в поиске?

— У нас целый коллектив. Властимила Шварца — диспетчер главного вокзала в Брно, Два Брата, Юрий и Антоний Давиды — рабочие Вышковского завода. Владимир Котулак — машинист. Он прекрасно фотографически документирует материалы наших поисков. Есть и другие добровольцы.

Самолет в воздухе не оставляет следа, — продолжает Индрих. — Но живы люди, которые видели, как дрались советские летчики. Ведь они сражались и гибли за нашу свободу. Потому и крепка память о войне. Однажды к нам пришел 75-летний старик. Он своими глазами видел, как был сбит советский самолет недалеко от села Языковце...

И вот Индрих с товарищами приехал в село. Память в нем было поле. 35 лет здесь сваяли, собирали урожай. Никаких следов войны. И все же они нашли самолет.

— Как же вам это удалось?

— Помог Ириж Клабена: с помощью магнитометра удалось обнаружить на поле место, где в земле остались частицы металла. Ириж работает геофизиком и охотой помогает нам.

Во время розысков Индрих встретил много прекрасных людей. Одним из них познакомился с 65-летней вдовой Бенешовой. Во время войны она с мужем тайно от фашистов похоронила останки погибших советских летчиков на местном кладбище. И все эти годы ухаживает за могилкой.

— Как журналист и счастливец, — говорит Индрих, — ведь я переписываюсь с десятками людей, которые доверяют мне свои сокровенные мысли. Меня волнуют письма, в которых говорится, как в Чехословакию хранят память о советских воинах. Я и мои товарищи получили эти заряд памяти от наших отцов и как экспедицию передаем следующим поколениям, и так будет всегда.

Индрих и его друзья продолжают поиск.

— Мы хотим, — говорит он, —

БУДЕТ ЛИ ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН?

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

Министерство торговли СССР рассматривает заметку «Будет ли фирменный магазин?», опубликованную в «Огоньке» № 2 за 1980 год, сообщает редакция заместителя министра торговли СССР С. Е. Сарухана. Далее он пишет о том, что выпускаемые в настоящее время промышленностью средства ортхеники как по объемам, так и по ассортименту не удовлетворяют спрос на эти изделия. Министерство торговли СССР неоднократно ставило вопрос перед Госпланом СССР, Госснабом СССР и промышленными министерствами вопрос об увеличении производства и рыночных фондов на бумажно-бюровые товары, карандаши, чертёжные и копировальные, масштабные-координатные бумагу, ленту для пишущих машин, портативные пишущие машины и другие средства ортхеники. «Однако ресурсы этих изделий ни сейчас

почти не увеличиваются при постоянном росте количества потребителей», — замечает заместитель министра и особенно подчеркивает, что, несмотря на три года торгующих организаций, промышленность не способна ни освоить производство динофоносов и их кристаллики и их серийного выпуска. Министерство торговли СССР вновь обратилось в Министерство промышленности средств связи как головное министерство по выпуску бытовых радиоприемников. Надемся, что в ближайшее время мы получим сообщение Главгосплана Мосгорисполкома и тогда сможем сообщить читателям, когда и где откроется такой фирменный магазин.

Менеем решаются и вопросы, связанные с расширением производства новых средств ортхеники (радиобусы, картриджи, шрифтоочистители, современные средства письма и машинистки и т. п.) для удовлетворения спроса широкого круга потребителей. Тов. Сарухан информирует о том, что придавая важное значение вопросам расширения спроса населения, расширения и обновления ассортимента, а также дальнейшему улучшению обеспечения торговли канцелярскими товарами, мы предлагаем другим средствам ортхеники. Министр торговли СССР ДАЛО УКАЗАНИЕ ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ТОВАРИЩАМИ МОСГОРСПОЛКОМА ОТКРЫТИИ В МОСКВЕ КРУПНОГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО МАГАЗИНА С УНИВЕРСАЛЬНЫМ АССОРТИМЕНТОМ ЭТИХ ТОВАРОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ: мы с удовлетворением отмечаем, что реакция Министерства торговли СССР на выступление «Огонька» была оперативной и деловой. В своем письме Минторг СССР не побоялся ответить на поставленные в заметке «Будет ли фирменный магазин?»

Полагаем, что с вниманием будет встречено читателями сообщение о создании в Москве первого крупного специализированного магазина по продаже средств ортхеники. Надеемся, что в ближайшее время мы получим сообщение Главгосплана Мосгорисполкома и тогда сможем сообщить читателям, когда и где откроется такой фирменный магазин.

В письме тов. Сарухана содержится несколько вопросов, ответ на которые редакция имеет от промышленного министерства. Полагаем, что Министерство промышленности средств связи (динофононы), Министерство химической промышленности (картотек, лотки, «штрихи», шрифтоочистители) и другие учреждения, Министерства целлюлозно-бумажной промышленности (копирка, нормирующие устройства), а также для пишущих машин, деловые бумаги, портативные пишущие машинки, средства автоматизации и систем управления (портативные пишущие машинки, пишущие и нем. флюэстеры, авторучки...) сообщат читателям «Огонька», какие товары для нового специализированного универсального магазина ортхеники готовит подведомственные им предприятия.

ПОВЕЯ АЛЕГБЕРИ ГАРМОНИО

Однажды в письме к русскому писателю И. Л. Шевцову (Летяеву) А. П. Чехов со свойственной ему иронией и юмором ответил на вопрос: «Что такое художественность?» Чехов писал: «Слова «художественность» я боюсь, как укушения пчелы. Когда мне говорят о художественном и антихудожественном, я терплю, ища, что можно поговорить и ответить. Вещными полунистинами, которые редакторы следуют моему, все произведения я делю на два сорта, которые не нравятся и которые мне не нравятся. Другой критерий у меня нет...»

Смущенно относился к эстетике и Л. Н. Толстой. Однако же, несмотря на позицию великих художников, наука об искусстве существует. Все-таки необходимо отыскать хорошие художественные произведения от плохих. Оценки, конечно, не нравятся в серьезную критическую работу, конечно, не помогает отыскать истину. В чем же заключается основа объективной, научной оценки художественного произведения? Каковы критерии? Какие из них главные, какие второстепенные? Почему некоторые произведения, слабые произведения многими нравятся, изобретают подлинные художественные ценности порою только по воле многих людей, ищущих истинную оценку...

На эти и многие другие вопросы отвечает Б. С. Луинов, автор книги «Методологические проблемы художественной критики».

Б. С. Луинов и др. Методологические проблемы художественной критики. М., изд-во «Наука», 1980. 334 стр.

чтобы родные и близкие знали, где мы, могли гордиться, и смогли приехать сюда. Я хочу обратиться через журнал «Огонек»: пусть откликнется те, кто знает этих людей, поблизки на чешковской земле. Вот их имена:

Корсаков Павел Петрович, гвардии старший лейтенант. Родился в деревне Болены, Кольчугинской района, Владимирской области.

Рабов Николай Андреевич, гвардии младший лейтенант. Родился в деревне Вазерки, Пензенской области.

Шахов Михаил Борисович, гвардии младший лейтенант. Родился в деревне Дубровка, Малютинского района, Северо-Кавказской области.

Адриани Михаил Иванович, гвардии сержант. Родился в деревне Денежиново, Новоаидарской области, Ворошиловградского района.

Куренков Василий Павлович, гвардии старшина. Родился в деревне Ясашня, Ульяновской области.

Затеев Иван Николаевич, гвардии младший сержант. Родился в городе Карабаш, Челябинской области.

Юрченко Василий Кириллович, капитан. Родился в Кременеужо.

Буров Георгий Тихонович, старший сержант. Родился в деревне Перелесово, Воронежской области.

Фоменико Василий Семёнович, старший сержант. Родился в Запорожье.

Прага — Москва.

Особенностью книги является именно строго научный подход к сложнейшим проблемам эстетики.

Философия объективную природу эстетического вкуса, закономерности суждений об искусстве, автор опирается на марксистско-ленинскую науку. Им использованы и философские работы Канта, Гегеля, Чернышевского.

Само понятие «художественности» автор трактует опираясь на достижения советской эстетики, учитывая, что оно охватывает все стороны искусства: от композиции мира и человека до структуры конкретного объекта, всей материальной художественной ткани произведения.

Решая эту автор книги подчеркивает, что критериев ценности много, но не все они в равной мере важны. Он называет (визуальную) работу одного английского критика, который предлагает 73 критерия для оценки произведений искусства. При этом критерий правдивости среди них стоит на 31-м месте...

Решая свою задачу, автор книги небезусловно стремится обосновать главный вывод: «Люди, имеющие ову и ту же философию, о том же и же мировоззрение, а следовательно, исходящие из общей концепции эстетического, не только могут, но и неизбежно должны прийти к единому в принципе и opinions и тем же результатам при анализе произведений искусства».

Не все в книге одинаково удачно, но все можно было бы и поспорить. Но важно главное: перед нами работа, которая заинтересует всех, кто любит искусство.

В. БАРЫКИН, кандидат филологических наук

Мир Молодости

К 70-летию со дня рождения Расула Язы

Д.М. МОЛДАВСКИЙ

Есть у Баку черта, которая мне, ленинградцу, особенно дорога; черта эта — устоявшаяся традиция рабочего города, проявляющаяся и в каком-то хозяйском, домашнем, что ли, отношении к людям, садам, памятникам старины, и в нетерпеливой уверенности жестов, и во внутреннем спокойствии, которого обычно лишены люди, ушедшие из села, но так и не ставшие горожанами... Он красив, этот город, с его стациями метро, названными именами легендарных комиссаров, с вышками, уходящими в море и в горы, и с башней двадцатого века, напоминающей ракету с не отяжелевшим оперой.

Пожоному, от Баку до космоса ближе, чем от многих, многих других городов, да и дорога это — сквозоз неизвестное — уже проложена поэтами. Помните, как писал И. Асеев в эссе «Вселенную, где человеческому уму дано пронзять вечность — там, и где все звезды наших». Много раз от Николая Николаевича Асеева слышал я уязвительные напевы — Расула Язы. Речь шла об одном из крупнейших поэтов современного Востока.

Он хочет начинать с даты рождения и старается ее забыть. Рядет о поэте, которому удалось сохранить молодость. Это не обычные юбилейные записки; когда берешь в руки самые последние стихотворения блестящего азербайджанского поэта, ощущаешь то дыхание современности, то ощущение сегодняшнего дня, которое собственно лишь юности с ее исканиями, борениями, с теми противоречиями, из которых вырастает характер человека и человеческого общества. Он молод. Он свежист. Он силен.

«И яичному и никогда не завсдавал, ни один день, ни один миг, когда весны и птиц, певчих и молчаливых» — это строки Расула Язы, счастливою современника великой эпохи, кровь от крови и плоть от плоти которой он считает себя и свое творчество.

Расул Язы — национальный азербайджанский поэт.

Когда читаешь его стихотворения (а на русском языке вышло больше двадцати его книг — «Брыль», «Ба солчыма», «Весну во мие» «Я — земля»), то перед глазами всегда встает Баку — даже в тех случаях, когда стихотворения посвящены другим далеким городам. Работает уверенность и уважение к труду и знаниям, достоинство поэта и философа, стремление не только заглянуть в будущее, но и приблизить его — «все это есть в его стихах». «Идет человек в объятия дня, что и трепать и сложен. Он повстрелает достойно день этот новый должен».

День — это путь, который то прав, то извистант, как все на земле поэт, и человек выходит, чтобы его прочесть. Идет ливневой, чтобы своей любовью одарить по-братски, по-человечески, по-смысловому».

Эти стихи весьма точно передают то ощущение мира, которое характерно для азербайджанского поэта и для мироощущения, рожденного рабочим городом Баку. Расул Язы — поэт, связанный с традицией поэзии, его роль в азербайджанской поэзии справедливо сравнивается с ролью Владимира Маяковского для поэзии русской, Павло Тычичны — для украинской, Назыма Хикмета — для турецкой и т. д. Здесь нет преувеличений. Прошло время, когда стихотворения Расула Язы вызывали неприятие определенных кругов читателей. Он признан народом и критикой. Его имя в институтих курсах и школьных учебниках. Его стихи читаются и поистеся. Его переводы признаны классическими. Но «хрестоматиию глянца» на его поэзии нет. Вокруг его стихов идет споры, поиск продолжается. Но у поиска этого есть ориентиры — точные, постоянные, неизменные.

Сам Расул Язы писал в автобиографической заметке, приложившей к его книге «Я — земля»: «Часто люди, ревностно защищая традиции, почему-то ищут только в прошлом... Встает вопрос: разве создавать традиции — монопольное право прошлого? Почему наша действительность, которая во сто крат интереснее, богаче прошлого, не может и не должна создавать новые традиции? Но же самое можно сказать о национальном слогоре. Ведь думать, что наши все, что могли создать, создали, а

средства воссоздания национального колорита давным-давно найдены и исхата тут ничего, на мой взгляд, глубоко ошибочно. Нашей действительности, когда так тесно связаны жизнь различных народов, когда осуществляются великие исторические замыслы в великой борьбе, вырабатываются такие черты характера, которые, будучи национальными, содержат большие элементы интернационального, чем то было раньше. И жизнь и язык народа литературы должен видеть в развитии».

Эта линия развития ошутима во всем творчестве Расула Язы от его поэмы начала тридцатых годов «Человек до более поздних «Мадрида», «Абиссиния» и до произведения, написанных недавно — «Последняя юность» и «1418» (поэма о всех днях жизни).

Нет, не на мимую простоту, опирающуюся на готовые расхожие представления о поэзии, ориентируется Расул Язы. Философская четкость мысли, ее современное, демократическое деяние, гуманизм, как высший критерий поэтичности, народность в ее движении — черты его стиля, стиля музыкального, гибкого, звучного. Переводчик А. Пушкина, В. Маяковского, М. Перионтова и Т. Шевченко, драматург, эссеист, рассказчик, он занял важное место в современной культуре Азербайджана.

Наиболее значительным произведением Расула Язы остается поэма «Кленин» — грандиозное многоплановое произведение, вообравшее в себя факты биографии Владимира Ильича, и размышления поэта, и — в этом, пожалуй, основная черта поэмы — теоретические и философские формулы, принявшие суть формул поэтических.

В долгой битве строк Расул Язы в своем творчестве время брал у дней грядущих и в долг мне всегда чуждым людям. И всегда душа моя открывала ладан чуждым людям. И всегда голос мой негромкий раньше строки не умолк. Я хожу в далггах чуждых людей по равнинам, по долинам, по горам материков. Возмужал в долгом споре дней бессмертных и стихов.

(Перевод А. Тарковского)

Справедливо говоря о строгости поэтического отбора у Расула Язы, Маризта Шагинни писала, что в фактах этой поэмы вы начинаете чувствовать те средоточия мысли, те узлы, которые превращают личную жизнь Ильича в народный эпос.

«Я не хочу отвечать на вопрос: сколько лет Расулу Язы? Я хочу ответить на вопрос — сколько лет его молодости».

А молодости его столько лет, сколько стихам, воспевающим его революцию, весну республики. Ленинград.

Редакция обратилась к народному артисту СССР А. А. ГОЛЧАНОВУ, главному режиссеру Московского академического театра имени Маяковского, с просьбой рассказать о богатейшем творческом наследии, оставленном Николаем Павловичем Охлопковым, замечательным художником нашей эпохи.

— Давайте начнем, — сказал Андрей Александрович. — Гонимый — именно эпохой. Ее особенностями. Это они породили в искусстве плеяду личностей огромных, страстно утверждавших все то новое, необычное, что несла с собою революция. Не случайно ведь и самые театры, где работал Охлопков, именовались как бы соответственно его творческой программе. Сначала это был Реалистический театр, а потом театр Революции, уже позднее названный театром имени Маяковского. Здесь Охлопков двадцать пять лет возглавлял коллектив. Сегодня ему было бы восемьдесят. Он ровесник своего революционного века и его памянный патриот. Его художник, его мыслитель.

Вот это у его творческого облика главное: способность мыслить необычно, масштабно, стремиться к новым социальным обобщениям. Он умел творчески-образно выразить эту масштабность даже в крошечном здании Реалистического театра, находившемся на площади, которая теперь тоже носит имя Маяковского, а в ту пору называлась Садовой-Триумфальной...

До сих пор не могу забыть удивленного в том театре, хорошо помню даже многие отдельные детали... великолепное охлопковское антивоенное спектакля «Бравый солдат Швейк» с Н. П. Плотниковым в главной роли. Постановка производила впечатление огромное, парализующее! Да и вообще среди спектаклей тех лет все охлопковские работы неизменно представляли неспокойные, непривычно стрессными, бурными...

— А помните, Андрей Александрович, какими был там же, в Реалистическом, «Медвежий потоп» и «Графиня Тоня»? Там-то ведь: годы спустя в нем даже мучила С. В. Образцова тесно показавшая Охлопкову не сумев показать и а С. С., подымающаяся с новой жизнью все революционный народ. Люди-воны шли и шли по всем проходам, через зрительный зал, занимая собой все пространство, все площади здания. И создавая именно неповторимый по тону, живой образ востания.

— Тут, наверное, был использован Охлопковым очень ранний, почти юношеский опыт постановки революционного народного спектакля-действия на улицах и площадях Иркутска, его родного города; кстати сказать, Николаю

Павловичу тогда было немногим больше двадцати лет. Он и как художник был революционером века и всегда шел в ногу со своей страной, со всем народом... Но самое оглушительное — не между другим словом — впечатлительное предложение — на меня в 1935 году поговорили «Аристократы». Интереснейший спектакль был поставлен Охлопковым! Скажу, не преувеличивая, что это — одно из самых сильных театральных впечатлений за все годы моей жизни, отданной театру. Этот спектакль тогда прозвучал, словно взрывом Бомбы. Не угадать его было просто невозможно, немислимо. Там много «слилось», сплавилось воедино — и мысль, именно эта создающая, остроосциллирующая охлопковская мысль, и ее острое, яркое воплощение, вся ее сценическая реализация. Ведь в пьесе Погодина — а это был один из любимых драматургов Охлопкова, очень тесно с ним связанным на протяжении всей их жизни — речь шла о пореволюционном преступнике, работающем на Беломорско-Балтийском канале. А Николай Павлович осуществил ее как блистательный карнавалный праздник! Да это и в самом деле стало праздником театра и праздником зрителей. Правда, некоторых любителей правдоподобия на сцене постановка Охлопкова раздражала, злитворила, приводила в негодование. Но она была великопелена, и даже вахтанговские, поставившие потом «Аристократов», показались даже, например, Блудными и неинтересными... Думаю, что слабее был и фильм «Аристократы», хотя там центральную роль играл Астангов, артист замечательный. — Может быть, надо было Охлопкову самому сыграть в кино Юсте-Кампана?

— Не думаю, не уверен. Хотя все его кинороли были блистательны: одна лучше другой. Самой же потрясающей его работой на экране считаю образ спокойного, сильного человека — рабочего Василия из фильма «Январь в 1918 году» и «Ленин в Октябре». Роль эту Охлопков сполна наделал своим, мужским личным обаянием, представая зрителю в своем лице пролетариат как нового хозяина жизни.

Прекрасна была сцена, когда Василий — парламентарий рабочего класса — встречается с Владимиром Ильичем Лениным (эту роль исполнил столь же могучий артист — Б. Щукин). Я считаю, что эти кадры — лучшими образцами советской киноклассики.

Своего рода классикой является и былинная фигура Булаева — Охлопкова в кинофильме «Александр Невский». И если в своей режиссуре он как художник всегда был предельно контрастен, метафоричен, то в актерских своих работах достигал редкой

Николай Павлович Охлопков среди участников тысячного спектакля «Аристократы»...

правды, достоверности человеческого бытия.

— И сердечной теплоты. — Многие согласятся и с таким определением. И здесь, пожалуй, подход к разгадке творческих секретов Охлопкова. Его режиссура всегда глобальная, резкая, контрастная, как сама жизнь, но люди в этой жизни остаются людьми... Охлопков все годы ищет способы выражения этой жизни и в мировой классике.

— «Гроза», «Гамлет», «Медведь»... Эти спектакли — каждый из них — опять-таки стали событием, определила снова и снова необычные, новаторские принципы публицистичности, социальной масштабности всей советской сцены, как и неисчерпаемые возможности ее гражданского темперамента, человеческого богатства...

И, наконец, какое поэтическое богатство, какая страсть, одухотворенность характеризуют «Молодую гвардию» в постановке Охлопкова! Он тут выступает как человек, который знает искусство, пронизанного коммунистической идейностью, пронерывная на долгие годы генеральную линию театрального творчества... Он был жизнелюб, оптимист и романтик. И все это выразилось в образах «Молодой гвардии», прозвучавшей не только как рекемем, но только как плеч народа о своих

героизм, но как утверждение вечного бессмертия героев, вечной их жизни в сердце народа.

— Последний вопрос, Андрей Александрович. Наследие, оставленное Охлопковым — как осмысливается и развивается оно коллективным театром, который теперь возглавляете вы?

— Мы сохраняем в наших постановках масштабность, личность, эмоциональность, присущие Охлопкову. Но не подражаем Охлопкову. Он был одним из тех, кто закладывал самые основы советского театра. Но при всем том своеобразии, индивидуальности, самый почерк да и весь творческий облик Николая Павловича непотеримы. Он художник, которого нельзя подражать. Ему можно — и нужно! — учиться, рефлексуя, что не копируя того, что делал в искусстве театра художник Охлопков, а формирование в коллективе творческого мышления, наделенного по-прежнему на Большую социальную тему, остается, в дуальном, нашей сегодняшней задачей. Ибо художник — вернемся к тому, с чего мы и начали нашу беседу — всегда рупор своего Времени... Кстати, сейчас мы ставим в нашем театре пьесу «Высокий» по ранним произведениям Маяковского и «Пелена Самгана» по Горькому.

Беседа велла Н. ТОЛЧЕНОВА.

РОЛИТИКА ОХЛОПКОВСКОГО ТЕАТРА

Рисунки П. ПИНКОВИЧА

Разговор Семен не начинал, прежде чем не оставил Сергея обить снег с валеков, выколоти́ть промерзшее пальто, рукавицы, шапку, перемотать портянки. Он и сам с трудом, морщась, проделал то же самое. Когда Сергей стянул с него валеков, стало ясно, что с ногой плохо. Даже в неверном, мигающем свете лампы было видно, что она распухла и посинела. Семен, осторожно подпавывая, ощутил колено. Перелом, насколько он понял, не было, но нога болела нестерпимо.

«Сильное растяжение, вывих», — подумал он, — так, наверное, и есть».

Турго-натурно он мыслит ногу портянкой и мотком, натянул валеков. И только после этого начал разговор.

— Как कि крути, — сказал он Сергею, — а я не боец. Если бы два три-четыре отседеться, может, нога и придет в норму, но у нас трех-четыре дня нет.

Сергей слушал молча. Тени металась по избе. В солонце за печкой попискивали, шушукали мыш. Ветер колотился в стелу.

лах кукурузой да картошкой. От постоянного недоедания перед глазами иногда плавали круги — синие, желтые, красные. Он отлеживался в бурьяне, смотрел на черное небо и похожие на подольший кровью янчиный желток солнца.

Выжил благодаря тому, что у него было поистине богатырское здоровье. До войны Семена считали в дивизии лучшим гимнастом. По утрам, на широком спортивном плацу, он закалывал на турнике такое «солнце», что все вокруг развалило рты. Но спортивный плац, турник, ровные цветники и казармы стали далами и даже, казалось, нереальными прошлыми.

Страха перед немцами у него не было. Он боялся одного — бессмысленно погибнуть в каком-нибудь овраге. Лечь с вечера в вонючую звериную нору и не проснуться. Весь смысл его жизни заключался в том, чтобы найти и убить немца. Он все время выдвигался по степи танки и людей, разбегавшихся от их гусениц.

В одну из первых ночей сгинания по степи он вылез из окопа, залег в кустах и, дожидаясь немецкую машину, безбоязненно, с включенными фарами, катившую к Ростову, шагнул противотанковую гранату. Машина стала на дыбы...

Немецкие телефонисты ткнули провод и наткнулись на него, спящего под заброшенной скирдой соломы. Избив прикладами, Семена бросили до рассвета в сарай. Но он, пролежав

часы два на холодном земляном полу, очнулся, пролеза на чердак и оттуда камнем упал на чистую. Тот не успел крикнуть. Семен ушел в степь, а еще через три дня наткнулся на партизанский отряд.

Командиром он представил красноармейскую бригаду, которую на фронте, в условиях которых было выгравировано: «Фронтовому С. И. Б. было за отличную боевую подготовку. Нарком Обороны. 3.11.41 г.».

Отряд бедствовал, но Семена все же обули, одели в кожаную одежду. С недолго он отстоял и почувствовал себя вновь здоровым. Партизанский отряд был небольшой, но все же боевая единица, и это прудило Семену силы. Он прояснил на самые дерзкие задания. И столько было в нем ненависти, что он выходил живым из безнадельных ситуаций. Последнее задание было особенно трудным. Надо было взорвать железнодорожный мост через плато Дона, у Батайска. К нему готовились тщательно, продавая каждую деталь, и именно на этот раз, когда они уже дошли до Батайска, сделав многокилометровый крок по степи, он вывихнул ногу. Но отказаться от выполнения задания он не мог. Семен на ходу изменил план действий.

Он оставил на нем зямь, залягавшие глаза, и били в них и понимание своей беспомощности, и надежда, и боль. Все, что говорил Семен Сергею, он бы проделал сам, но сейчас послал на slopes, рискованное дело, которое было по плечу сильному, бывалому, находчивому и ловкому мужчине, парнишку с угатылыми лопатками на слабой, несформировавшейся спине. Такое было время, что, если бы вынесло ли ты груз, который ложится на твои плечи, выдержишь ли ты его, справился ли с ним?

Но ни этих слов, ни похожих на них ни им, ни Сергею. Сергей встал дальше по вычерченному на полу линиям и заопиальной располножене путей, укрепленной охраны, выходы к железнодорожному полотну балочек и оврагов, как школьный урок.

— Ясно, — сказал он, взглянув на Семена, — все ясно.

— Ну, браток, — поднимаясь, сказал Семен, — с Богом. Хотел бы добавить: может, не придется удавиться, так не поминай никого, но задавай в себе эти слова, не желая тревожить, и только повторил еще раз древнее, как мир, что всегда говорилось на Руси:

— И добавил, обложась, жестоко:

— Давай, корешок, давай, матъ их в душу! Подлядай и, припада на больную ногу, шагнул вперед.

Ночь было темная, ветер шил, и степь стала перед ними черным, расплывшим, безвольным провалом.

— Иди вдоль оград, — сказал Семен, — затем балочкой свернешь к ручью и по льду уйдешь до рассвета. А рассвету будешь у Батайска.

Сергей ступил в темноту, повернулся и махнул рукой.

Под срезом шапки лицо его было неразличимым.

Через час, выйдя к ручью, Сергей остановился. Глаза привыкли к темноте, и он углубил и снежные сугробы у берега, и кустарник, таявшийся вдоль отлогого спуска, и даже следы не то собаки, не то волка, пересекавшие замечательной поземкой ручей. Сергей вышел на лед. Здесь снег был плотнее, и идти стало легче. Он подумал: времени не больше трех ночей. Это означало: в запасе добрых четырех или даже пять часов.

Пока он шел до ручья по глубокому, вязкому снегу, аспетод, рубашка прилипла к телу, и сапоги Сергея свалили шук, зашагал по льду-мосту насту, не слыша, как человек, пригвожденный к дальней дороге, Снег скрипел под валеками, как мокрый песок, и звук этот глухо-и в ушко балочек.

В Батайске, в районе колхозного сада Семен, глядя на Сергея, подумал: парнишку посылаю к черту в зубы, парнишку... И ошибался. Летами Сергей был молод, но по тому, что выпало на его долю пережить, был он уже не парнишкой.

Растет на заливаемых затонских землях пышная, высокая трава. Тянется к небу стремительно; свежо и сочно зеленеет ее стебли, разорванность широким листом, и раскрываются ее цветы. Но стоит шагнуть человеку или пройти зверю — инуют травы, ложатся на влажную землю, и тянется за проколом надолго остающийся след. Другое дело, когда ударят по весне поздневые морозы и иней-листожок выжмет первые травы, свалит как косой. Тогда, под солнцем, позме, уже перед летом, выплывает из твердой, как хрящ, земли тонкая шильце нолью, только что нарождающиеся травы. Растет она невысоко, в верхок, не более, и разворачивает лист, как выскочившая лезвие ножа. И хоть табун провадет по ней, хоть топчет стадо тяжеловесных волов, следа не увидит на ней даже опытный глаз. Стоит она крепко, стебель к стеблю, и копыта не берет ее, и ветер не валит, и град не бьет.

Вот так и Сергей, как эта степная, на густой соли возросшая трава, был крепек не по годам, хлебав в семидеять лет горячего до снега.

Родился он в Ростове-на-Дону, и шестидесять всен расцветали перед окнами их дома пышные акации. Сладкий запах плыл над улицей, вынесло ли ты груз, который ложится на твои плечи, выдержишь ли ты его, справился ли с ним? Отец его работал на Ростовском. Был он высоким и считался лучшим рыбаком в затоне. Там, где другие не могли поймать и бычка вползающая, таскал он розовых, золотистых ставков с рудными планками. Сергеев отец ловил рыбу на берегу, но так и не попалось, что он выважвал на zewnętrzеске по-

Видел, — говорил Семен, — движение на шоссе — машина к машине. На железную, я думаю, еще похуже. Немцы видно здорово жиманули, и он прет теперь назад без останков. Может быть, колесца боятся? Не знаю.

Говоря о немцах, он скалил зубы, и на темном, задувавшим лице его выделялись жесткой белой полосой.

— Самое время most переждать, — Он улыбнулся криво, и видно было: зла в нем много. Оно держало его, как пружина, свернувшая в туго спираль. Он ступил кулаком по здоровому колену:

— Как гвозди в тала! А плавил будем менять по обстановке. Смотри...

Семен поправил лампу и ружьям гвоздем на земляном полу чата стал чертить most, подходящие к нему железнодорожные пути, укрепления охраны.

— Смотри, — еще раз сказал он, искоса глянув на Сергея.

Они склонились над желтым, высветленным лампой пятном.

Семен знал эти места до последнего колесика, до малейшей балочки, затерявшиеся в степи.

Летом сорок второго немца сбился части, где он спускал, с позиции у Новочерасска, и разметал по степи, гонимый чуть ли не за каждым солдатов на танках. Это было для них, как охота на перепелов. Давили, рвали, крошили гусеницами тела. Чужим он сам выражался за Дон у Старочерасска. Реку, как никогда полноводную в тот год, переплыл, уже раненный в голову и в ногу. Еле дотронул до берега. А вымрившись на песчаную косу, на карачках добрался до густого валеков, и свалился без сознания. Оннулся у стелу. На стелу крутилась маленькая личуга, звенела, шелкала, косыла лобопитным черным глазом. Он поднялся и пошел, но фронт откатился далеко на восток, и Семен остался в тылу у немцев. Все осеню он, как волк, рыскал по балкам и буеракам. Одежда изморозила в клоача, сапоги развалились, и он ходил, обмотав ноги подобранными в степи куском брезента. Стали осы и сырость и темных ямах, намывших в оврагах, и оттого грудь раздалась постоянной кашель. С едой было совсем плохо. Питался собранной на по-

Продолжение. См. «Голосы № 19.

дуловников, а сидящий рядом лишь моргал на неподвижный поплавок. С отцова лица никогда не сходила улыбка. И мать была под стать отцу — стройная, высокая, голубоглазая, с волосами, волной лежавшими на плечах. Старухи на лавочке возле дома говорили:

— Нет на улице пары краше.

Потом пришла война. Мать погибла в одну из первых бомбежек. Отца, выданного правительством, расстреляли как коммуниста. Сергея вместе с другими парнями и девушками загнали в телушку и, накрепко зашив дверь, отправили в Германию. На первом же переломе Сергей и еще четверо разобрали пар в вагоны.

Визу, в полутора метрах, мелькая, проносились шпалы, с нарастающим грохотом стучали колеса, пол раскашивался и дрожал под лязгом дощатых рельсов. Хотелось и броситься в рывок, пидущую заложком перегоревшего в буксах моста, выходя в лицо крошевом щебеня пустыю. Все живое в нем сопротивлялось этому поспешному движению, как и должно было сопротивляться, кричать, требовать, вопить — именно потому, что было живое и хотело жить. Но он разжал пальцы... Из пятерых, выживших из вагона, в живых осталось двое, остальные погибли под колесами. Один был еще жив, когда поезд прошел, но ему отхватило руку у леща. Они попытались наложить жгут, но культя была слишком коротка. Через час парня захит.

В Гостов Сергей пришел ночью и перелукал. Старах не затолкнулся на патрুলу, пошел в дом. Он знал, что дома никто не ждет, но дом все же был домом, и он спешил. Мерзлые ветви акаций, как кости, стучали над головой. Когда он вышел на свою улицу, не удержался и побежал, хотя сил не было. Вот знакомый переулоч, которым ходил в школу, булыжная, за ней районный клуб...

Дома не было, стояла толстая чудом уцелевшая передняя стена.

На следующий день, когда Сергей в сохранившемся на краю сада сарае стигалов проволочкой подобранные в балке гонцы, слышншо протворил дверь, вошел снег по улице. Постав минутку, сказал:

— Что ты издалум, хлопцев?

Сергей вздрогнул и обернулся. И видно, так метосковалось его сердце по близкому че-

ловку, что он бросился к этому всегда сдержанному и даже хмуроватому дядьке и, обхватив руками, заплакал.

— Ну лаятик, хлопчик, хватит,— глядел тот его по голове,— хватит.

Два ему выплакаться, он отвел Сергея домик, накормил и уложил спать. А когда Сергей проснулся, уселся к столу и сказал, вода свежого бокала и темной рукой по гладко выструганной крышке:

— Ты, хлопчик, один — глупостей неделаешь и погубишь. Я сведу тебя с людьми. Дело для тебя найдется.

Тогда-то Сергей и попал в отряд. Несколько раз он ходил на заднюю, но его бергли, был он среди подпольщиков самым молодым, и командир отряда — человек в возрасте — говорил, хмурая: кому, как не ему, после войной жизнь строить. Улыбался лентателью, тарадел язык, как таракан, во все времена и все солдаты, что война, которую они ведут, последняя.

К весне в отряде сложилось трудное положение. Несколько человек погибло, четверо были схвачены полицаями, и командир скрепя сердце послал Сергея в Батайск. Он, как и Семен, подумал: «Паришка, совсем еще молодой... И долго смотрел на узкую спину Сергея, пока он не скрылся в снежной круговерти.

Сергей остановился. Небо чуть заметно посветлело. Неверный, предутренний свет заливал степь. Ветром несло сладкий запах дыма.

«Батайск,— подумал Сергей,— или какой-нибудь хутор? Как бы не вляпаться!»

Овражек забрал вправо, и все так же было, нетронутой целиной, снег покрывал руеи. Сергей, переминаясь с ноги на ногу, поменял мгновенно и полез на кручу обрешен. Вперед, у горизонта, в морозном предутреннем безветрии были видны поднимавшаяся стобом дымы.

«Батайск,— решил он,— значит, а шел быстрее, чем рассчитывал.

Он спустился к ручью и прошел еще километра двести, внимательно приглядываясь к снежным заметкам по берегам ручья.

На одном из поворотов овражка он остановился у высокого суроба. Разбросал вален-

ками. Под снегом открылась куча плавника.

По весне ручей нанес сюда хворост, обломки досок, стелби камыша и сбил в кучу. Сергей долго разгребал снег, отбрасывая на лед плавки потопце. Затем ссажал веревки и, взвалив на плечи, пошел к Батайску. Под грузом вязанки он почувствовал, что третий день в степи, почти не спав все это время, вло плохо. Но только поначалу подбросил в вязанку и упрямо зашагал к восточному у горизонта дымам. Снег играл, искрился под ногами, всыхивал морозной пылью.

В доме Акимыча в это утро проснулись рано. Чутким стариковским ухом Акимыч, задолго до рассвета, услышал, как зашептались, завопились в горнице его гости. Слов он не разобрал да и не старался разбирать, подумал только: ишь, смичцы, ворещат, заботит их что-то, больно рано проснулись. Девки по утрум крепко спят.

«Ядом хрипло дышала открытым ртом, постанывала старуха.

Акимыч с лежи не слез, а отбросил давнешнее на груду толстого одеяла и, чувствуя, что от пахнущего свежего воздуха дышать стало легче, поправил подушку и опять лег.

Плтики гола, уздыненные в узах, не шли у него из головы.

Акимыч прожил в Батайске всю жизнь. В голондые годы отец его пришел на эту благодатную, богатую степю с Орловщины да так и остался. Поразина она его своей щедростью. Белоголовым пацаном, Акимыч бегал с хлопцами по пыльным, мягким степным шляхам к Дону, ходил в ночное подласком, женился и работал на железной дороге кокагаром. Обладал он в молодости недюжинной силой. Без труда, еще юношей, до двенадцати раз мог перекреститься двулаудулой гирей. Последние годы перед войной Акимыч был сторожем на станции и жил в мазаном домике, спял там же еще отцом. Домик когда-то стоял на краю поселка, но потом его окружили другие дома, и оказался он чуть ли не в центре Батайска. Детей у них не было.

— Бог не дал,— жалуюсь, говорила старуха, но Акимыч знал, что она ее смолоду зная женская болезни, и оттого-то и не было ребятки. В городе Акимычу знаком был каждый, глазу у него был приметливый.

В первые дни, когда пришли немцы, Акимыч все еще работал на станции, но потом его прогнали толпой, красавчик немец, помывшийся в чистейшем навалочном железнодорожного участка.

Акимыч, как обычно, к десяти часам вечера пришагал на перрон и сел у колонок. Немец вышел из вагонов и сказал:

— Weg! Weg! Geh raus! Von wo... ughidi... Прогнал он его и на следующий день и Акимыч пошел: служба кончилась.

Он вернулся домой, в туалет, который всегда брал на ночь, сел у окна и хотел бы смести крошки со склябенной юбки крышки стола, но пальцы вдруг задрожали, и рука бесцельно опустилась вниз.

Старуха взглянула на него и ушла за печь, засморохавшись в передник.

А еще через несколько дней Акимыч вновь услышал это слово:

— Weg! Weg!

Трое немецких солдат в сапогах с короткими голенищами, в обдерганных, кургузых мундирках ходили по двору, стояли выжидающей на площадке у станиции. Выгнали они со двора и Акимыча. И, помысавшись своему, громко переговариваясь, шли сюда, топтали крепкими подошвами.

На площадке у вокзала стояла свежестругая, бестекая по изку смольстам ошкурена висельная.

Народу немцы согнали человек сто женщин, хлопцев лет до десяти — двадцать, стариков. Люди стояли хмуро. Голосов не было слышно. Из-под пальто по разбитым ступеням вывели двоих со связанными за спиной руками. Были эти двое — молчаливо с пещичными вагоном секретарь комсомольской организации железнодорожного участка и начальник вокзала, зрелый мужчина, с крепкими широкими плечами, плоской кавказской фигурой, отец большой, многодетной семьи. Младший из его сыновей был знаком каждому стоящему на площадке, так как по утрам выступал по городскому радио в «Гюнерской переключке».

— Голосистый сын у Прокофьевича, — говорил о нем, — ох, голосистый, аж звенит! От ступенек вокзала, алевших быти кирпичом, до белой, свежей койки торжественно асылелью молча гребли эти двое по пыли босыми ногами мимо замешанных баш и хлопцев. От Акимыча они прошли в шагте, и чуть впереди идущий Прокофьевич давал им толчок черной форменной куртки. На скуле у Прокофьевича ходил тугий желвак, словно жевал он джесткое и никак не мог прожевать. Глаз не было видно.

Все дальнейшее сделано было быстро, словно привычная, хорошо отлаженная работа.

Темнолицый немец в высокой фуражке поднялся на приспешную с вокзала массивную красную в веселый зеленый цвет скамью и что-то резко прокричал в толпу. Солдаты поставили связанных людей на табуретки, надули пелты и сразу же вырвали табуретки из-под ног. Тела ринувшихся в них, толкнув канулись к быющимся на веревках, но солдаты подняли автоматы, и люди, отшатнувшись, бросились в стороны. Разноязычный крик поднялся над площадью.

Акимыч стоял молча и неподвижно. Случившееся на его глазах казалось ему привидевшимся в страшном сне. Комсомольский секретарь, парничок, хлопчик, которого он недавно водил за руку и еще помнил тепло его чумазой, перепачканной липким вышвешым соком ладкам, бился в пелты. Он то подтягивал ногу к подбородку, то вытаскивал из кармана, кружился, расквашенная висельню, плохо вкляпаную в твердую, тысячами ног утрубованную землю. И голова его, как надломанный бугор, тямелась в направлении свисала на груди. Всем веставом здорового мужичка, долгие годы метавшего о ребенке, но так и не принявшего его на руки из-за несчастья с женой, Акимыч не хотел, не мог ни помысли, ни принять эту смерть. В нем не было ничего, как почему, для чего убилы этого светловолосого парня!

Акимыч ушел с площадки последним. Шел, как слепой, и не было в нем ни слов, ни мыслей, а только никогда не испытываемая пустота.

Вечером, сидя на лавке у печи, он трижды глухо повторил на разные лады:

— Вж, вж, вж...

Старуха со страком взглянула на него. Акимыч поднял голову, сказал:

— Вот так, это поганое оно выдумало, чтоб согнать нас с нашей земли.

Что-то тяжелое, как мельничный жернов, повернулось у него в груди. Грудно, со скрипом, болело — и он увидел в разлам; и мизача с пустыми, белесыми глазами, что прогнал его с вокзала; суровую, не прощающую ничего хмурость на лицах приговоренных к смерти одесовчан; само старуху, сморохившуюся в передник; женские лица перед висельней на площадке... И помысл: не жить больше, как жини, не думать, как думали, и не гордиться, как гордился, и ушел в страшно-столо ему, как бывает страшно только в детстве.

С той поры он не замечал немцев. Если слышал, то, не поднимая глаз, проходил мимо. И даже, когда два пыльных обозника пришли к нему во двор и взяли поросенка, он, казалось, не увидел их. Солдаты, не так, как вольные полугодоголовы подосвина по разбросанной соломе. Старуха жинувшая с крыльцо, но Акимыч повернул к ней лицо, и видно было на нем такое, что она молча села на ступени. Незаряжиными глазами Акимыч только смотрел на солдат и ушел в курень. Поросячий крик стух в плетня. Акимыч не сказал ни слова. Промолчал, как вообще, после увиденного на площадке, больше молчал, только сморхивая старухой из овачей черствости носки, наварил чиряки под лавкой и вышел во двор.

Солнце еще не выгинуло из-за горизонта, и тугие лавки валили вдоль куреня, и овраг, у заметного снежного пятна, подставив на снегу толстый ледок с хрустом запал под ногами. От сарая несло стиральную серью, только сморхивая старухой из овачей черствости носки, наварил чиряки под лавкой и вышел во двор.

Солнце еще не выгинуло из-за горизонта, и тугие лавки валили вдоль куреня, и овраг, у заметного снежного пятна, подставив на снегу толстый ледок с хрустом запал под ногами. От сарая несло стиральную серью, только сморхивая старухой из овачей черствости носки, наварил чиряки под лавкой и вышел во двор.

Разоренно, неприятно было на базу. Солдаты, подбрав крышки топоров и топтав снегюк у торчащего тут же жгелюго, изрубленного чурбана, Акимыч выбрал из укладки несколько полень потопче, и легко ударяя, начал колоть топливо. Промерзшее дерево लेकर под острым лезвием со звоном. Лучиня верном ложилась у чурбана.

Скрипянула дрова в сених, и на крыльцо вышел дувачик.

— Зарывається, диду, — сказала Галя. В руке он держал кружку. Акимыч глянул на нее из-под курчавых бровей, буркнул со сна хрипло:

— Дедушка черны в ведре, у колодца.

Склонился, подбирая пакучу. Хватал аместе со снегом полку гудичился пальцами. Набрал целую охапку. Поднялся. Дувачик свисали дрова, и в руке Акимыч шатнул у куреня.

Старуха возилась за печью, гремела горшкками. Акимыч сказал:

— Разжарь картошку на лучниках. Быстрый бурчак пойджи.

На крыльце застучали шаги. Когда дувачик вошли в курень, старик кивнул на стол.

— Сидите. Посидедем чем бог послал.

Лучиня жарко трещала в печи, озаряя курень теплым тусклым светом.

Старуха подала скорородку.

Дувачик еле торпачило, как люди, которые давали или досыпать и стескивали поспешности, но, не в силах удержаться, все тынулись и тынулись к поджаристой картошке.

Настя подняла лавку на Акимыча и, перепачкав, указывая пальцем, взглянул отогнутой рукой.

— Ешь, ешь, дочка, — сказал Акимыч и устал.

Старуха неподвижно стояла у плиты, перебирая кривыми пальцами жарк застряпанной завески.

— Дувачи, — спросила Настя, — вы не поможете продукты выменять?

И по тому, как ели мороженую картошку

его неожиданные гости, и по тому, какими высказала просьбу Настя, Акимыч помысл: продукты эти нужны для какого-то дела, и, подавучи, ответил коротко:

— Помою.

Старуха, по-прежнему ютя у печи, молчала. Серое лицо ее было неподвижно.

Поднявшись из-за стола, Настя засоборилась, и Подивучи, неумолимо жавк замотала до глаз голову черным платком. Шагнула к дверям.

Акимыч выдал в збранный морозом оконце, как проштала она слезами в киветке, оставляя на снегу новую стожку следов.

Засоборилась и Акимыч и, лова пальцами непоследующие крошки полубаша, сказал Гале:

— Иию по дворам не ходил... начала было старуха, — за побрушачив... На старости лет...

— Цыц, старая, — резко повернулся Акимыч, — не раздумывай, молчи.

Сбил брови к переносью и, намухрившись, взялся за обрешую инемую курку двора.

Сергей вошел в Батайки, когда солнце едва поднялось над крышами домов. Всклоди оно, окруженное багровым кругом, означившим, что к вечеру ударит сильный мороз. Но Сергей, гордо вышагивая, не знал такой приметы да и не думал об этом.

Воротник и шапка у него задевели на ветру от дыхания, и он остановился в затихше у плетня, сияя шапку, обидя во валенок, стер надела с воротника, огляделся. Улица была пустыня.

На всем пути до привокзальной площадки он встретил трез-четыре человека. Но, выйдя на площадку сразу уедла десятки машин и множество людей. Грузовики, толпились кучками, и хвост колонны тянулся в улицы, уходивших за линию железной дороги. Беспорядочным следом машины обтекали полуразрушенное воевое здание торжачника наверху с обгорелыми балками, сломав заборы, жалась к домам, теснились у выдувак, лестница которого обрылась нелепо изогнутыми балками.

Мелькнули в толпе люди, выскочили костры, и солдаты толпились вокруг чадных огней. Пестрые шинели, различного покроя фуражки и шапки говорили, что степилась сюда из морозной пустыни группа солдат, воевавших в румынские, и авгерские, и немецкие части. Утихнулы в последний вокзал перед мостом через пойму Дону и крутились на клочке земли, ожидая поезда в направлении Москвы. И не надо было обладать особо острым зрением, чтобы в этой толпе разглядеть и выделить те приметы, которые отличают войска отступающего от тех, кто победител.

И первое и самое яркое, что бросилось в глаза, — досы и лица. Разноязычные вогазасы беспорядочно сбившихся вокруг устроям, твоей свисались в мушкетонный, курчавый, тревожный вой, а лица матчилик, как бы вытесненные лишние индивидуальных красок и черт. И все это месиво машин и людей, чувствалось, было не подлинно и не управляется единой волей и единым мышлением.

От стоящей неподалеку солдатской кухни на Сергея хлузнуло дымок створешего масла, и он захохотал простуженными легкими от тошнотного, угарного запаха. Спазма сжала горло, через гортань вырвался вздох, и, задев равнявшийся из груди кашель, вытер рот рукавицей.

«Кобячею, может, бояться, — вспомнил Сергей свисавший в кармане солдатский подсумок. — Так оно, наверное, и есть... Сидишук ужо дгарло, задегарено, веставую колоду, дгарло, копошиться на затоптанном, грязном, перепачканном снегу, ваявучи, и, задев, орудий с задранными к небу стволами, солдатских курчов и людей.

— О...о...о... — кинулся к нему от одного из костров вонючий черны сморхивший индивид. Перепачканный в ожер, рукою свертнулся за ваявучу.

— Командант, — твердо сказал Сергей и подал на здание вокзала, — это для командант.

Повторил: — Командант.

Настоящую поганую ваявучу к себе и, не оборачиваясь, пошажал через площадку.

Окончание следуют.

М. Нестеров. ВИДЕНИЕ ОТРОКУ ВАРФОЛОМЕЮ. 1889-90.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Нестеров. ПОРТРЕТ Е. П. НЕСТЕРОВОЙ. 1905.

КОЛОДЕЦ НА РАБОТЯХ НЕРАТОР

Ю. ТЮРИН

Не раз наши художники, в их числе и кинематографы, обращались к материалу революции, выявляя истоки постигшие гигантские социальные энергии, что в исторически короткой срок привело к образованию новой государственности, новой морали, новому типу человеческих отношений.

Историко-революционный кинематограф — труд нескольких поколений художников. Сначала это участники и современники революции, потом те, кто застал революцию детьми. Сейчас кинематограф творит мастера, воспитанные на классических фильмах советского кино. Владимир Краснополюский и Валерий Усков — режиссеры этой формации. На экраны идет их новая историко-революционная кинодилогия «Отец и сын». Картина серьезная, правдивая, суровая, сделана в традициях психологического реализма нашей киноклассики. Эту особенность фильма следует сразу почувствовать.

За последнее десятилетие историко-революционная тема порою решалась поверхностно, облеплено. Интерес кинематографов переместился с характеров человеческих на интригу, на создание зрелища особого сорта, где гремит выстрел, демонстрируются сцены трюков, каздытся, что так или иначе приключенческие картины возник даже особый термин «истерия» — сводный брат «старого», «доброего» вестерна.

Восхождение социальной психологии народа в эпоху пролетарской революции как-то само собой подменилось более или менее профессионально «сработанными» подделками, умозрительно сконструированными киноделами, где «слова» протаял среди «чужих», стреляла прокатил седьмая пуля.

«Отец и сын» — фильм психологический. Интерес к нему держится характерами. И это при наличии остроконфликтных ситуаций, интригующих поворотов сюжета. Самое главное в стилистике — отсутствие стилизации. Никто из героев, включая строевых боеготовардских офицеров, не копипирует небрежной походкой козлов, не крутит вороненький «кольт». Действительность в кадре — а дело-то происходит в Сибири — зима, вьюга.

В основе фильма (сценарий А. Иванова, В. Краснополюского и В. Ускова) лежит одноименный роман Георгия Маркова. Эти обстоятельства в первую очередь объясняют отличительные качества выше названного строя картины: литература повела за собой экран.

Марков, уроженец Западной Сибири, doskonale знает родной таежный край. Роман не сбивается на скороговорку. Письмо — это жилище, склонно к подробностям, и «раскадровка» сцен: «в знойную июльскую пору тысяча девяносто два двадцать первого го-

да ваерх по Васогуны палки караваном проколенили лемки с вааром, проколенили тесовые лодки...» Так несладко начинается роман. «Отец и сын» — один из тех романов, что составляют «сибирскую» библиотечку.

Нравы, обычаи, страсти обитателей таежных лес, обивших берега Оби, Васюган, Енисей, Катуня, нашли своеобразное отражение на страницах произведений многих и многих прозаиков — от Щукина и Веселова до Астафьева, Шукшина, Анатолия Иванова... Они все увлечены сильными, непокорными характерами сибиряков, заключенных дикой природы, тысячеклометровыми малонаселенными пространствами. Кинематограф, извечно питающийся от литературы, заинтересовался «сибирской» прозой. В числе тех, кто прочно связан с

дела односельчан, зажигают надежду на светлую жизнь. Звонят над разбухнувшей рекой топоры и пилы, требовательно подает голубой первый новорожденный в коммуне; весело отменяется первый юбилей: месяц плещет высадкой каравана...

Верховодит Роман Быстрыков, светловолосый, породистый лепкий неугомонный «чалдон», жадный до работы и ослепительный на слово. Характер приподнятый, обаятельный. Актер Вадим Спиридонов, переходящий на новую роль из фильма «Вечный зов», создает образ первого коммунара свободно, размыто. Удачно сочетается с умом, этической чистотностью. При этом артист не играет «железного» человека. Его Роман страдает, томится, печалится, не отвечает на затанцованную любовь замужней женщины, много-

Кадр из фильма.

«сибирским» романом, оказались режиссеры Краснополюский и Усков. Широко известны их многочисленные телефильмы по произведениям Анатолия Иванова — «Тени исчезают в поднебесье» и «Вечный зов».

Экранизация романа Георгия Маркова выстроена по тому же серьезному принципу примата народной психологии. Осуществление этой психологии в конкретных социально-исторических условиях протекло противоречно, драматично, и авторы фильма не боится сцен человеческой гибели, не замалчивает подлости и вероломства. Но главное при этом то, что они строго верят правде, отстаивают торжество жизни.

Роман рассказывает о первой попытке сельских коммунаров, бедняцких крестьянских семей захватить сообще, артельно. Расчистить от буреломо пашню, срубить дома из доброго леса, завлестись на долготу зиму под уютной, поджужжываемой с местными охотниками-гражданами... Еще продолжается на Востоке гражданская война, а тут, на мрочноватых, пустынных берегах Васюган, в знойные красные войны, горстка коммунистов, самозабвенно поднимают на новые

Райзан в картине «Коммунист и Михаил Калатозов» в ленте «Я — Куба». А теперь вот свой вариант героического кинофильма создатели Краснополюский и Усков. Доженковская традиция проявила себя спустя десятилетия.

В огне бродят нет... Следует думать, авторы экранизации четко расставляют идеологические акценты. Простота завлестись в огне таковы испытания. И образ огня продлен через весь фильм. Пылают поджогом лучшие гнездовья колчакоских офицеров. От руки врага выгорает дотла возводимое с такими стараниями поселение коммунаров. Живым факелом мечется, гибнет в морозных сумерках молоденькая интриганка: кульские синки обилие ее бездумным и подожгли. А сколько костров и костерков потрескивают по лесистым берегам Васюгана! Иногда это огонь дружбы и гостеприимства, иногда — злободневная защита от стуж, иногда западня и смерть.

Анатолий Иванов, один из авторов сценария фильма «Отец и сын», говорит: «В постановке перед собой нелегкую задачу исследовать в определенных исторических условиях истоки героических подвигов людей и истоки социалистического строительства, хотели показать, какое это было непростое дело — становление и укрепление Советской власти на земле. Мы сознательно шли на включение эпизодов гвардейской и фильмо-мною драматических и трагических сцен. Но при этом не забывали, что должно быть обязательно героическое, оптимистическое начало».

«Опрокинутая тишина» и «Эхо далеких выстрелов». Так называются части кинодилогии. Драматургия каждой серии самостоятельна, целостна. Время действия — 21-й и 27-й годы. Но сквозных героев здесь немало. Среди последователей Быстрыкова, Ускова, в первую очередь Александр. Дело это продолжается и в этом светлоголовом (как Быстрыков-старший) долговязом парне, сельском активисте, первом комсомолец родной гвардейской деревни. Поколения нераторским...

У дилогии неожиданный финал. Действие обрывается кадром винюского письма-треугольника. Экран продолжает нам выписки из этого письма: «А ты, сын мой, запомним: враги революцию не давали нам никакой пощады. Они нас стреляли, вешали, сжигали. Но революция нашу не могла уничтожить. Она будет жить и торжествовать вечно, потому что мы ей будем вечно служить!»

Сюжетная линия — казаван Алексей Быстрыков, погибший при штурме Берлина 1 мая 1945 года, адресован сыну... Страхами этими автору фильма синона не было никак, как же мучительно трудно, какими величайшими жертвами добывал науку правду истории. Каждое поколение терпело свои страсти. Но революция несет светские и новые поколения. Отцы продолжают в сынах...

ВЕЩЕННАЯ ЦЕНН

Исполнилось 123 лет со дня рождения замечательного русского композитора А. К. Лядова. Мы публикуем воспоминания о Лядове, сохранившиеся в архиве поэта С. М. Городецкого, с которым композитор дружил в последние годы, и отрывки из нескольких его писем.

Из воспоминаний

С. ГОРОДЕЦКИЙ

Я встретил Анатолия Константиновича впервые на обеде у композитора В. Почы в центре длиннейшего стола, засыпанного цветами, я увидел молодого старика, мастера привычным жестом заправляющего себе салфетку за воротник. Огромный, покатым лбом типичного русского уннца, глубоко скрытые сильными, тяжелыми веками глаза и кепришки, как у недолжного ребенка, рот, обранный тщательно подстриженными седыми усами и бородкой, составляли самое характерное в его необыкновенной голове. Когда мне сказали, что это Анатолий Константинович Лядов, я разглядел лицо его внимательней. Мелочливческая сосредоточенность была самым частым его выражением. Что-то древнерусское, и даже зарусское, глубоко восточное, но не татарское, не то индусское, сквозило в этом лице. Несокрушимое спокойствие сознания самое себя силы, совершенно не нуждающейся в том, чтобы доказать себе ее каким-либо проявлением.

Не пренебрегая любовью руководит народами, когда они изучают до мельчайших подробностей жизнь своих гениев, я пишу букву Пушкина, каждый поступок Толстого. Мне руководит благородная жажда проникнуть в тайну высшей жизни и всерьез свое будничное существование хоть самым отдаленным участием в жизни творцов.

Когда-нибудь, когда будут собраны все письма А. К. Лядова — по-видимому, их осталось около трехсот, — когда его творения будут изучены так подробно, что всем будет путь — единственный и прекрасный — от романа «Не пойте, красавица, при мне» до «Скорбной песни, тогда можно будет думать о Боле» или менее исчерпывающей картине его жизни и творчества, о законченном его портрете.

Пока же этого нет, можно только намечать основные черты этого портрета — те черты, которые, конечно, явнее будут позднему поколению, но не позднее и в дороге современникам-свидетелям.

Эпическая сила была осталась у меня от Анатолия Константиновича после первой же встречи. Порочен в этом образе его совершенная округленность, полнейшая законченность, цельность в самом себе, монотонность. И с тоскою читал я теперь, по возвращению к предстоящей очерк, его письма семидесятих, восьмидесятих и девяностых годов, явля в них мнения и суждения, бывавшие в наших беседах. Рещал Ан. К. было поворотило. Слово его было пре-

мень. Силой морального своего авторитета противостал он разноразличнейшему натиску впечатлений, шедших и из Руси и с Запада. Мне неизвестно другого такого средоточия художественной жизни, на протяжении сорока лет хранившего свое единство. Какова же вера в правду, в силу искусства была у этого человека, если он жил молчаливо! Поистине не оскудевает богатырши красотой русская.

В вестуны мы часто виделись с Ан. К. Стояли дневные белые ночи. Он их любил, как яд, как наркотик, как опьяняющий дурман. Позже, помню, сказал он мне однажды по телефону: «Вы знаете, природа зла; это-то и восхитительно». Злая — значит живая, личная, имеющая власть над тобой и к этой власти волю. Вот эту-то волю природы над собой особенно чувствовал Ан. К. в белых ночах в ту весту.

В эти вестуны вечера и ночи он подолгу играл у нас, свое любимых. Первою, что он захотел сыграть, были детские и народные песни; иные играл он подражая по несколько раз. Любимыми его были: «Страшный Суд», «О птицах», «Шел Ванюша из гостей», «Кольбиныны», «Савахи», «Судит друма», «Я с хомариком полавала», «Тусуенки», все «Клики» и «Савабены». С особенной любовью он играл по нотам. С таким же, как пение, увлечением играл он на палочке отрывки из балетов, которые сочинял вместе с Алексеем Михайловичем Ремизовым. Балет назывался «Лёла и Алабей», и над разработкой сюжета Ан. К. сам много потрудились. Играл он главным образом тему моря, к которому пришли за счастьем люди. Помню, с небрежным видом вошел шебинка, рассыпавшего сокровища без счета, он, сыграв несколько этих тем, спросил, которая лучше, добавив, что их у него два самодатца. Лучшую, по его решению, и действительно волюющую выраженным в ней бесчисленным стремлением к счастью, на своем портрете, прибавив заглавие «Валля моря». Это всего четыре такта, и это все, что осталось от балета.

Играл Ан. К. и из других задуманных, может быть, готовых, но незаписанных вещей, например, «Из Метерлинка». Из прежних своих вещей играл «Волшебное Озеро», с необычайной изобретательностью заставлял воображение слышать оркестр. Многократно играл «Вальс», и никому все не исполнил так, как он сам.

Скоро раз потом я жалел, что не было у меня фонографа для записи его игры! Как мучительно досаждал нам музыкантские музеи не догадывались делать таких записей! Безвозврат-

А. К. Лядов. Портрет с автографом.

Публикуется впервые.

Из писем А. К. Лядова

но, навсегда погубило счастье слышать игру Ан. К., только некоторые внешние признаки этой игры можно восстановить в словах.

Подходил он к инструменту медленно и внутренне торжественно, садился тяжело и просто, скромно и незаметно клял красивые руки на клавиатуру. Это не было прикосновением виртуоза-техника, это не был полунравственный, полужесточайший налет Скрибина, это было эмпатическое, мощное прикосновение властелина к своему царству.

Есть в современной живописи движение, именуемое пуризмом и требующее от художника аскетической экономии в средствах.

Игра Ан. К. была в высшей степени пуристична. Ни одним элементом не двигал больше, чем этого строго необходимо. Почти не видно, как поднимаются и опускаются пальцы. Глядяши и не понимаешь, откуда звуки. Катятся по мощному бархату иносознательные беспринципных верхов. Сказочной нежности, былинной силы рождаются звуки.

Дивно смотреть на движения рук по клавишам. Легки, уверенны и любовны они, иной раз как будто небрежны на вид, но изумительно выразительны и чисты на деле. Невозвратной кажется восточная роскошь жакетов — из таких простых сочетаний они сплетаются.

Силы света, силы только одних-одних подальшими были этим рукам.

25-го марта 1901 г. Любовь — во всех видах и формах — мой воздух, мой хлеб, мой вода. Жить и не любить и не быть любимым — для меня страшнее всех болезней, страшнее смерти.

И сердце вновь горит и любит — оттого, что не любить оно не может.

16-го ноября 1901 г. Читая вчера ночью Щеголова — очень интересно.

А. Главное, он очень Пушкина любил. Как бы я хотел во всех (кого я люблю) вселить такое же обожание к Пушкину, какое я к нему чувствую. Всех бы поэтов мира отдал бы за Пушкина. Моего мечта посылать на его могилу, целовать его крест и сорвать листок с его могилы. Мечта, кажется, и останется мечтой!

Читая Дикенса от начала до конца — неправдоподобно, мелодраматично, а главное — живых людей нет. Но все написано с такой добротой, с таким нежным сердцем, что он должен быть «другом детей».

6-го июля 1904 г. Я уплет перчитываю письма Пушкина. Изумительные письма! Странной Ягте равнодушен — стало быть, и К

Фото Г. Люджовского

ПОДЕЛИСЬ ПЕСНЕЙ

...Лица собравшихся у эстрады на краю большой лесной поляны серьезные и сосредоточены. Нервный, мерцающий свет горящих факелов. Минута молчания.

Так участники и гости ДДЛ света Московского клуба самодельщиков песни, который открылся 9 мая, почтили память советских людей, отдавших жизнь в боях за Родину.

Успешные репродукторы, установленными здесь же, на лесной поляне, и подбадривающие сотнями и тысячами голосов, в тишине подосновной ночи завулчали песни. О войне и о солдатах.

Ни дальнее расстояние, ни ветер, ни проливной дождь не помешали участникам собраться на этот оживленный свет, организованный Московским горноим коноводом.

Зрители света и его участники, приехавшие сюда из разных городов и республик страны, услышали песни своих любимых авторов — и те, что знакомы давно, и новые, звучащие впервые — песни В. Дюжиной, Н. Соконовской, Ю. Лореса, В. Сухова и многих других. Авторы и слушатели здесь никогда не чувствуют себя разобщенными — они живут в соседних пазах, по часам записывают дрожа для одного нота, у них всегда есть возможность общена.

А. СОКОЛОВ

Общий вид манежа.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Накануне 35-летия Дня Победы в редакции «Огонька» состоялась встреча сотрудников журнала с заслуженной артисткой РСФСР В. Толкуновой и народным артистом РСФСР Г. Сорониным (автобиографировали им Д. Ашкеназ и М. Бродский).

Георгий Соронин прочел несколько стихотворений и отрывки из прозы советских авторов. Его манера исполнения, как и всегда, была сдержанной, ясной и четкой. И как всегда, за внешней простотой — глубина мысли, сложность переживаний, красота и цельность человеческой души...

Певца Валентина Толкунова напомнил нам песни, которые стали известны и популярны миллионной слушателям в ее исполнении. Она поразительно и с новыми силами работала. Ее искусство покоряет тонким лиризмом, интеллектуальностью, и с юными своими работами. Ее искусство покоряет тонким лиризмом, интеллектуальностью, и с юными своими работами. Ее искусство покоряет тонким лиризмом, интеллектуальностью, и с юными своими работами.

Редакция журнала приносит искреннюю благодарность этим артистам, принявшим участие в праздничном концерте.

Фото И. Туншева

ДРОНЕЦ

Белоснежное здание в березовой роще. Это новый конноспортивный комплекс ЦСКА, который в дни Олимпиады-80 будет местом тренировок пилбордов. Манеж отличается хорошим звуком, что очень важно для зрителей, на трибунах могут разместиться две тысячи зрителей. Есть удобный предельный для развития лошадей, трен. фехтовальный зал. Созданы отличные условия для подготовки спортсменов и ответственных стартам: действуют сауна, душевые, столовая на двести мест, комнаты отдыха.

Длинным коридором, по которому проводят в манеж лошадей, можно попасть в моншину — светил, святых всех лошадинок. И сразу оунаешься в особую атмосферу, так хорошо знакомую тем, кто любит конный спорт. Тернистый запах, длинные ряды денников... В каждом деннике (а их около двухсот) автономка, автономщика. Над денником — νέα «пропанснн» лошади, ее рытатель, завод. Здесь же душ для лошадей, а эти может похвастаться далеко не всякий манеж. Есть и ветеринарная лечебница.

В манеже работают люди, связанные с конным спортом многие годы, любящие его, — тренеры Л. П. Баклышкин, Г. Т. Черета, многие другие... И. И. Болдырев, который недавно ушел на отдых, с лошадей дружен был с довоенных времен. Во время войны командовал кавалерийским полком, имеет боевые награды — два ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны I степени. Он был чемпионом Советской Армии, руководил командой по конному спорту на XVI Олимпийских играх. Судья высшей категории, он судил конные соревнования и за рубежом — в Румынии, Болгарии...

— Наш комплекс, — рассказывает начальник конноспортивного комплекса Владимир Петрович Третьяков, — одно из лучших сооружений подобного типа не только в Советском Союзе, но и в Европе. Здесь можно проводить самые крупные соревнования — первенства страны, чемпионаты мира по всем видам конного спорта...

В манеже уже проходили интересные соревнования: первенство страны, на кубок Москвы и Советского Союза по конному спорту. Олимпийский чемпион Иван Клифта, ныне старший тренер сборной Советского Союза по высшей школе верховой езды, назвал комплекс Дворцом конного спорта. Что же, в этом нет преувеличения. Отличные подарки получили спортсмены-конники.

И. МХКЕВА

Фото А. БОЧНИННА

Елена Варламова с Эспадрином.

КОННОГО СПОРТА

Утренний гулет.

Конкур — преодоление препятствий.

ОТВЕРГНУТЬ? ОТВЕРГНУТЬ! ИССЛЕДОВАТЬ!

Под таким заголовком был опубликован материал в № 7 нашего журнала за этот год. В нем шла речь о проблемах внедрения лекарственных средств, рожденных в стенах научных учреждений, о трудной судьбе авторов этих препаратов, о тех преградах, с которыми людям приходится сталкиваться, чтобы доказать эффективность своих методов врачевания.

Материал вызвал поток писем в редакцию. Общее мнение подавляющего большинства читателей таково: прежде чем отвергнуть какой-либо «ненатуральный» способ лечения, его надо всесторонне исследовать и прежде всего обращать внимание не на то, кем он предложен, а каковы результаты лечения.

С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться. О том, что поставленные проблемы действительно волнуют многих, свидетельствуют сотни и сотни читателей писем.

«Митрада в № 7 не оставил равнодушным ни одного человека, прочитавшего его», — пишет М. Полукина из Мурманска. — Наверняка многие обращаются к вам с просьбой помочь им лечиться средствами народных лекарей, жостов редакция. Это лишний раз доказывает, что наша научная медицина не всегда способна помочь людям, страдающим тяжкими недугами.

Действительно, таких просьб очень много. Мы попытаемся случаем ответить нашим читателям, что редакция не может сообщить адрес того или иного народного врачевателя, так как не имеет права брать на себя ответственность рекомендовать средства, пока не окончена официальная апробация. (Не говоря уже о том, что упомянутые нами врачеватели не в состоянии обеспечить своим лекарством всех желающих.)

Многие читатели просят сообщить о судьбе исследований препаратов. Когда Фармакологический комитет вынесет о них свое окончательное решение, редакция непременно доведет его до сведения своих читателей.

Целью том можно составить из писем, в которых рассказывается о создателях других самых разных и, как считают авторы этих писем, весьма эффективных методов лечения, не признанных официальной медициной. Много места в этом томе заняли бы письма о методе А. С. Троицкой. Из этих писем мы выбрали только две. Вот строки из этих писем:

«Статья «Внедрять? Отвергнуть? Исследовать?» посвящена актуальному вопросу. По моему мнению, имеются все условия для решения идеи, высказанной в конце статьи.

В настоящее время назрела проблема беспристрастного изучения и использования значительного опыта лечебных людей, больных различного рода тяжелыми недугами, представляющих как называемой неофициальной медицины. К ним относятся не только знатоки народной медицины, но и люди, имеющие специальное образование.

Примером человека, который заслужил своим огромным трудом большое уважение, является ныне покойная Александра Сергеевна Троицкая, кандидат медицинских наук.

А. С. Троицкая предложила свой метод лечения опухолей злокачественного характера. Этот метод основан на вакцинации больного растительными препаратами, особым способом из крови каждого из боль-

ных. Вакцинация производится периодически, с определенной продолжительностью. Благотворное действие вакцины я испытал на себе.

Я уверен, совершенно необходимо организовать беспристрастное, тщательное изучение и развитие метода А. С. Троицкой, использовать опыт и знания ее учеников в Калужской лаборатории, а также организовать наблюдения за больными, которые много лет принимают вакцину А. С. Троицкой.

А. БРОДСКИЙ,
профессор,
доктор технических наук,
лауреат Государственной премии СССР

Александра Сергеевна Троицкая.

«А. С. Троицкая опубликовала свой метод еще в 1959 году. Его были проведены опыты по прививке опухолей животным. Микроб, выделенный от больных раком и саркомой, прививался и обнаруживался в крови мышей, крыс, морских свинок, котят, щенят. Жизнь культуры вакцинных опухолей не только у животных, но и у растений. Убитые культуры (а они и являются вакциной) преобразовались в различные типы приживаемых опухолей. На убитых микробах организм учился бороться с живыми микробами.

Я сам периодически в течение нескольких лет пользуюсь калужской автовакциной»
И. РУМЯНЦЕВ,
доктор ветеринарных наук.

Эти письма являются как бы продолжением начатого журналом разговора о проблемах исследования и внедрения новых методов врачевания.

Как нам сообщили в Министерстве здравоохранения СССР, в настоящее время исследование метода А. С. Троицкой проводится совместными усилиями сотрудников Калужской микробиологической лабори-

ратории, которой руководит биолог О. Н. Бархатов, и врачей Калужского областного онкологического диспансера.

Конечно, насколько эффективен или неэффективен метод иммунотерапии, разработанный А. С. Троицкой, должны решить специалисты. И здесь уместно привести слова виднейшего онколога страны, президента АМН СССР Николая Николаевича Блохина:

«В научной работе необходима правда и только правда. Очень опасен субъективный подход к анализу определенных научных материалов. Объективная проверка предложений должна проводиться другими, незаинтересованными лицами.

Хочется верить, что именно такой объективной и будет проверка эффективности метода А. С. Троицкой. Ведь сегодня, когда ни один из существующих способов лечения онкологических заболеваний нельзя признать абсолютно действенным, необходимо особое внимание к тем методам, которые оказались хоть сколько-нибудь эффективны. Отдельные неудачи этих методов не должны разочаровывать. Эти неудачи, возможно, показывают лишь то, насколько мало мы знаем пока о природе рака.

В последние годы в лечении опухолей все чаще обращают на себя внимание успехи иммунотерапии. Как отметил министр здравоохранения СССР академик В. Н. Петровский, иммунотерапия стала новым и весьма перспективным направлением в современной онкологии.

Видный американский онколог Д. Холланда пишет: «Иммунотерапия схожа с борьбой против рака. Мы располагаем убедительными доказательствами того, что защитные силы организма распознают чужеродность раковых клеток и вступают на ранних этапах с ними в борьбу». Цель иммунотерапии — укрепить защитные силы организма, которые уже сами в случае успеха должны уничтожить раковые клетки. Сегодня мы бесцельны против многих форм рака именно потому, что обнаруживаем его слишком поздно.

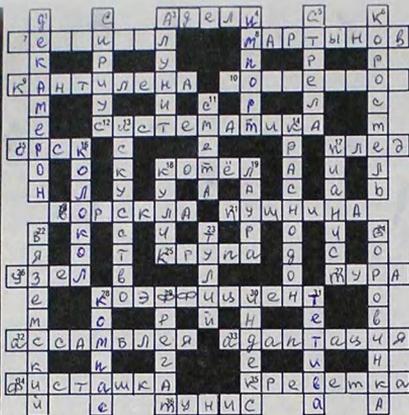
Да, к сожалению, до сих пор не существует надежного, проверенного способа распознавания болезней. А насколько бы облегчило лечение опухолей, если бы мы располагали простым, дающим быстрые результаты методом диагностики, например, по капле крови. Ведь врачу не обязательно знать, где именно (в желудке, в печени или в легки) началось перерождение здоровых клеток в злокачественные. Главное — знать, что оно началось. И тогда можно воздержаться на этот процесс с помощью препарата, вакцины, которая бы помешала образованию опухоли и заставила бы сам организм, его защитные силы бороться с этим процессом, повернуть его вспять.

Это был бы идеальный метод диагностики и лечения рака. Именно о создании такого метода мечтала Александра Сергеевна Троицкая. К сожалению, она не успела довести метод до конца.

«Эффективная терапия рака — дело недалекого будущего», — говорил видный советский ученый, профессор И. Невздомский. — Развитие вакцинотерапии... как будет заключительным аккордом уния человека в его борьбе и победе над раком.

Будем верить, что эти предсказания скоро осуществятся.

Сергей ВЛАСОВ

По горизонтали: 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 7. Большая круг небесной сферы, проходящий через зенит и заданную точку. 8. Русский драматический актер XIX века. 9. Певучесть, мелодичность музыки. 10. Оптическая система. 12. Наука о классификации животных и растений. 15. Город в Оренбургской области. 17. Шестилетнее покрытие с бахромой. 19. Теплообменный аппарат для получения пара. 20. Приют. 21. Меховой тонар. 25. Продукт переработки зерна. 26. Морская мера скорости движения судов. 27. Приют Голуба. 28. Микробы в клеточном выделении. 32. Общее собрание членов международной организации. 33. Писноблестящие организмы с условным существованием. 34. Орех колючего дерева. 35. Небольшой морской рак. 36. Государство в Северной Африке.

По вертикали: 1. Сборник новелл Д. Вонякова. 2. Самая яркая звезда. 3. Минерал, красноватый камень. 4. Вязо товаров из-за границы. 5. Подвижная часть подвешенного крана. 6. Птица семейства пастушковых. 11. Исчисление предельных расходов и доходов. 13. Творческое воспроизведение действительности в художественных образах. 14. Город в Воронежской области. 15. Газета, издаваемая А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 17. Музыкальный инструмент. «обитающая на болотах». 19. Действующее лицо оперы А. С. Даргомыжского «Наменная гость». 22. Русский поэт XIX века. 23. Химический элемент, металл. 24. Сорт яблок. 28. Прибор для ориентации на местности. 29. Парусный корабль. 30. Числовая или буквенная указатель в математике. 31. Бечва, стигмающая концы луки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 7. «Хованщина». 8. Двоеточие. 10. Лобан. 11. Строй. 12. Ремарка. 13. Корабль. 15. «Яблочко». 17. Ковчиг. 19. Мурзавица. 23. Выдра. 25. «Детство». 27. Везание. 28. «Герника». 29. Вельш. 30. «Атлас». 31. Шепетонка. 32. Профессия.

По вертикали: 1. Козодой. 2. Гаванята. 3. «Сибирь». 4. Борзая. 5. Контроль. 6. Титовка. 9. Токотронение. 14. Логунин. 16. Валаис. 17. Кузов. 18. Ницца. 20. Коттедж. 21. Штангист. 22. Лебеда. 24. Титаник. 26. «Игнито». 27. Барзоб.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Празжаник-подружки. * Птичка Баулавская площадь.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сооружается корпус очередного реактора на Пальенском заводе энергетического машиностроения комбината «Шкода». * В музее Пражского кремля.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАЙОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бульварный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отдел: Рецензия и новостей — 250-36-88; Международные — 212-20-03; Сотрудничества стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-25-69; Военно-промышленности — 250-15-35; Наука и техника — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Тисем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Свяно в набор 22.04.80. Подписано и печати 13.05.80. А 00360. Формат 70х108/16, Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1053. Заказ № 2254.

Орден Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 123865, Москва, А-137, ГСП, уллица «Правды», 24.

БЕССОННА

Фото А. БОЧНИНА

ISSN 0431 - 0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

